

Григорий Горнов

ПЛАТЬЕ
НАД ГОРОДОМ

Москва
Вест-Консалтинг
2013

Григорий Горнов.
Платье над городом. —

М., «Вест-Консалтинг», 2013. — 136 с., илл.

ISBN

Обложка и иллюстрации Григория Горнова

© Г. Горнов, 2013

© К. Комаров, предисловие, 2013

© «Вест-Консалтинг», компьютерная вёрстка, макет, 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ

И море, и Гомер – всё движется любовью.

О. Мандельштам

«Он» и «она» баллада моя.

Не страшно нов я.

Страшно то,

что «он» – это я

и то, что «она» –

моя.

В. Маяковский

Ещё от Александра Сергеевича Пушкина нам известно, что поэту-пророку ведомо всё: «и горний ангелов полёт, и гад морских подводный ход, и дольней лозы прозябанье».

Всё у него особенное – и слух, и зрение, и обоняние, и осязание. Известно нам и какой ценой обретается способность «глаголом жечь сердца людей». Самоуглубление и напряжённая, изматывающая авторефлексия свойственны поэтическому ремеслу в принципе, это его родовые черты. Удивительным образом поэт, опрокидываясь в себя в поисках своей необщности, формулируя и выражая *своё*, высказывает вещи общечеловечески значимые, отвечает на «последние», «проклятые» вопросы. Таков – парадоксальный и прекрасный лирический универсализм.

Григорий Горнов – поэт и человек именно такого – самосредоточенного, вдумчивого, медитативного склада. Сам процесс вызревания Слова для него не менее важен, чем процесс его проговаривания.

Перед нами поэт молодой и от различных влияний, понятное дело, не свободный. Наиболее очевидно воздействие Бродского – и в формальном (синтаксис, анжамбема-

ны эт цетера), и в содержательном (неоклассицистическое развертывание мысли и философия стоицизма) отношении. Уличение нынешних молодых мейнстримных поэтов в «бродскизме» давно стало общим местом. Но Горнов – особый случай. Начиная хотя бы с того, что, судя по скудному количеству публикаций, непримыканию к какой-либо «тусовке» и относительному равнодушию к литературному процессу, его внемейнстримность – сознательная позиция. И «бродскизм» – иной: грубо говоря, если мысленно убрать из стихов Горнова всё броско «бродское», они не перестанут быть стихами. От Иосифа Александровича – общая призма взгляда на мир. Не менее, но и не более.

Вообще в поэзии Горнова обнаруживается немало артефактов самых разных поэтических систем. Одно упоминание рядом таких разных поэтов, как Рембо и Лорка достаточно показательно. Сюрреалистическая образность («растущие из мирового линолеума светлоголовые баобобы», «листва соленой кожи», «у ос в гнезде собралась толпа бровей» и т.п.), насыщенность разного рода мифологическими, фольклорными и религиозными аллюзиями, рациональная «поверка алгеброй гармонии» («Я даже такие чувства как влюблённость, ненависть, страх теперь различаю только умом и от этого – угрызение...»), элементы символизма и метареализма, цветаевская (в проекции опять же Бродского) хлётскость и мандельштамовская суггестия – всё это не заслоняет, однако, пресловутого прямого лирического высказывания. Горнов не ищет лёгких путей. Создаётся впечатление, что в каждом стихотворении он как бы отходит, отступает от основного внятного мессаджа: («Я люблю тебя», например), выстраивая на пути отступления заграждения и декорации из сложных, ветвистых образов и метафор, чтобы в какой-то момент с разгону проломить их и рухнуть на финишной черте полумертвым, но высказавшимся:

*Я сегодня жив, я сегодня шел
К самому красивому кораблю.
Несговорчив рок. Непременен дол.
Я тебя люблю.*

«Платье над городом» – вторая книга поэта. Название её неочевидным образом проассоциировалось у меня со строчками Александра Башлачёва: «Платина платья, штанов свинец душат только тех, кто не рискует дышать, а нам так легко – мы, наконец, сбросили всё, что нам могло мешать». Метасюжет сборника – попытка подобного освобождения от зависимости и мимикрии, от «шумного либретто пустоты» очищения любовью – попытка, в какой-то мере осознающая свою обреченность (ибо «захламление» «места любви» – места, «где запрятан Бог» – мусором враждебной, навязчивой реальности, от которой поэт неустанно прячется и заслоняется, происходит с той же, если не с большей скоростью, нежели этого «места» художественное «расчищение»), но более – свою необходимость. Любовь, позволяющая дышать – даже несмотря на то, что (а может, благодаря тому что) «любое дыхание безумно». Любовь, как «рельсы» для шарахающегося, горячего, находящегося на грани безумия сознания. Кстати, поезда, которые в огромном количестве проносятся, проезжают, проползают через книгу, мечутся между Москвой (аналогом Харибды), что «вымывает из тела остатки стихов и жил сквозь штанины, уши, кольца и рукава» и спасительным Крымом – пространством практически ритуального возрождения («чтоб начаться на Юге, я кончаюсь в Москве») – поезда как пространство любви – это тоже башлачевская тема. «Моя голова – перекресток железных дорог» – вполне мог бы сказать о себе автор «Платья над городом». «Любовь – это поезд Свердловск-Ленинград и назад» (в данном случае «Москва – Херсонес и назад») – мог бы добавить он. Даже для души находится «же-

лезнодорожная» метафора – «*Душа голубая с прожилками железных дорог*». Да и в целом эстетика рок-поэзии, как мне кажется, Горнову близка: к Башлачеву здесь я добавил бы и психоделическую поэтику Егора Летова («*Вселенская большая любовь – моя секретная калитка в пустоте, моя бездонная копилка в пустоте*») и тонкий модернизм «*Наутилуса*» (в частности, с песней «*Крылья*» тонально перекликаются многие стихотворения книги).

Вся книга и вся поэзия Горнова – о любви – «*величественном чувстве среди всех возможных чувств*». Причем, говоря об этих стихах, почему-то не боишься повторять это слово, тем паче, что сам поэт им не злоупотребляет. О любви – предельной или, по крайней мере, стремящейся стать таковой. Коллизия «я и ты» здесь обретает масштабы исторические и вселенские. Стихи разворачиваются из непоколебимой максимы: «*Так всё что создано – создано для любви. Для самой правдоподобной. В крайней степени плотской*». Но именно эта крайняя степень плотскости и вызывает «*оторопь духа*». Весь мир у Горнова держится на двоих. Такой «градус» чувства приводит на ум слова Маяковского из письма к Лиле Брик периода их расставания и работы Маяковского над поэмой «*Про это*»: «*Исчерпывает ли для меня любовь всё? Всё, но только иначе. Любовь – это сердце всего. Если оно прекратит работу, всё остальное отмирает, делается лишним, ненужным. Но если сердце работает, оно не может проявляться во всём... Любовь не установишь никакими «должен», никакими «нельзя» – только свободным соревнованием со всем миром*». Вспоминаются и строчки из самой поэмы, замыкающие на теме любви одно отдельно взятое человеческое существование – тотально и безвозвратно: «*Эта тема день истемнила в темень. Колотись велела строчками лбов. Имя этой теме – ...*». Вообще «*громада-любовь*» у Горнова – объединяя физиологичность и бритвенную интимность – стремится к соответствующим «*маяковским*» мас-

штабам, но по фактуре своей – скорее блоковская (несмотря на иронию над «*Незнакомкой*» в одном из стихотворений: «*Мол, ты носишь шелк, ширяешься туманами и духами*»). Снежность и воздушность, рыцарские и венчальные мотивы – от Блока:

*Когда нас понесут воздушные
Потоки в белом ватном сне
Мы как дымки свечей потушенных
С тобой вплетёмся в этот снег.*

Лирика Горнова полна острой нежности. В его стихотворениях «*чуть дыша, слова пальцами небо гладят – зная: отныне – хватит, требуют целовать*». Поэт перечисляет отпечатки пальцев любимой, «*как любви неизвестной глоссарий – на кирпичной стене, на земле пред кирпичной стеной*» – и прикосновения эти, бережно регистрируемые животворны вплоть до того, что становятся залогом самого существования поэзии «*появляются в мире Иванов, Тарковский, Есенин – отпечатками пальцев твоих под молчанье цикад*», и в целом единства вселенной. Возлюбленная – абсолют. Лиргер Горнова готов каждое утро «*имя ее вершить*». Она практически всеильна: «*Тебе разрешено стереть любой звук или цвет в октаве или гамме*». Достаточно посмотреть на обращения к ней, чтобы ощутить нерв происходящего: «*Я люблю тебя от бусинок до ногтей, и при этом, конечно, и ногтя твоего не стою*», «*Слушай только меня, потому что нет большей лжи чем мои слова, и тем заметней правда: на обратной стороне души раскрошенный сухоцвет*». Спасти любимую, укрыть, сохранить, обессмертить – иной цели нет и быть не может: «*И ветвями укрыть и объявить спасённой любимую женщину, встреченную на пути*». И пусть временами он иронизирует над своей высокой миссией – «*Верховные маги, поэты, тем паче бабы всегда готовы на подвиг ради самих себя*», но на деле всё, по Пастернаку, – до «*полной ги-*

бели, всерьёз»: *«И я ей сказал что кроме нас ничего не вечно»; «тебя потерять всё равно что выстрелить в спину Богу».* Только с ней возможны недостижимые, казалось, гармония и уют, примирение с бытием и растворение в нем, размышление «дантовского круга», где «движенье сродни простому»: *«Когда он целовал, её она была нежней чем в роднике луна, когда струилась ночь из-за ограды»; «Пойдём греться, родная, достанем чай, рафинад и наедине друг с другом окончательно обрусеем...»* – чтобы всегда снилась та, с которой спишь, чтобы бессмертие двоих обретало плоть и кровь: *«Заглянув в кровать к нашему народившемуся ребёнку, Я вижу тебя тридцатисантиметровую в ней».* Поэтому и звучит не прекращаясь сквозь стихи – одна мольба: *«Храни и охрани любовь мою».* Такая вот любовь, как в «Гранатовом браслете», которая «бывает раз в тысячу лет» и которая «должна быть трагедией»: *«Так по нашей крови без конца разливается горе зарождённое где-то в груди под вершиной соска».* Любовь, как реактор, в который двое кладут друг друга и как высочайший благословенный дар. Любовь как становление словом, «чей космос белёс и мгновён». Как сама – повторяюсь – возможность дышать, которая становится апофеозом чувства в финальном стихотворении, где она растворяет себя в кислоте и вливается в него через капельницу – *«Ты теперь мои крылья, моя чешуя. Пар из ноздрей. Дышу».*

И разыгрывается это высокое действо в координатах вины и прощения, в их извечной дихотомии – *«навсегда за глаза прощены, и от этого, кажется, что навсегда виноваты»:*

*Прости за недолюбленность мою,
Прости меня, что это говорю,
А если хочешь прокляни навечно.
Над городом снежинки пованесь,
Смахни рукой с бумаги эту взвесь
И в белый свет уйди остроконечно.*

И, что удивительно приподнятая, гулкая торжественность клятв и обещаний лирического героя не выглядит пафосной и нарочитой в силу своей психологически достоверности:

*Когда любимую женщину за руку, к алтарю,
Покорную, отрешенную, такую что можно жить,
Я всё написанное человечеством заново повторю,
Чтобы любимая женщина уйти не смогла решить.*

*Иконы венчальной потрескается киот,
Но лик возгорится так, чтоб весь мир ослеп,
Когда любимая женщина вдруг умрёт,
И моя душа отправится ей вослед.*

Любовь – краеугольный камень и главный шарнир, который движет всё – и пространство и время. С видимой реальностью в книге Горнова происходят весьма любопытные метаморфозы и деформации – прежде всего, обнажается тревожная хрупкость и амбивалентность наличествующей «картинки»: *«Между чувствами всеми были музой положены кальки, И они создают и течение жизни и форму лица»* жизнь *«разбивается ... об её отражение в средах», «цвет обоев выбирает явь», «рябь обуславливает трёхмерность, т.е. может не вовремя раздвоиться».* Амплитуду этой «ряби» опять же можно исчислить только любовью: *«Я держу тебя за руки (ведь женщина для молитвы). Мне нужна женщина чтобы морскую измерить рябь».*

И время с его «треклятым норомом» приручается тоже только любовью, способной трансформировать его в голос. В конце концов – любовь – единственно возможное настоящее, потому и «из прошлого в будущее переливающийся яд в настоящем видится... как покой душевный».

*Прохладное тело. Тёплая неупругая грудь.
Продрогших пальцев неопределённая принадлежность.
Вечность, перечёркнутая словом «нежность»
И репликами наподобие «Прошлое позабудь».*

Прошлое же – «танец волнистого попугая» – возникает обычно в контексте своего исчезновения и своей необязательности: «И отлетает глина прошлого от Ахиллесовой пяты», «Магнитных опилок насыпал в компас, стянул как скатерть Наше прошлое со стола и под шумок исчез», «И, в зеркало глядя из-под оправы, она сгибала прошлое в дугу». Переживается это растворение прошлого в бесконечном настоящем относительно легко, ибо настоящее любви способно «перерасставить всё, перепрошить в былом». В перевернутой горновской внутренней оптике и «забывание суть пеленанье вещей, сохраненье», что позволяет мозгу, «уставшему от столичных расслоений» «вчерашний день поновому мостить». На «влажной шуткатурке» памяти можно многожды перерисовывать былое. Неуничтожимость памяти души и памяти тела в их единстве обуславливает сдержанный оптимизм:

*Я не боюсь смерти и не боюсь адских мук:
Память не может исчезнуть. Память не разрушима.*

Но сквозная интенция нежности, анатомируясь и опосредуясь поэтическим «скальпелем» приобретает болезненное измерение. В трактовке Горнова поэт – «человек, мучительно обретающий двойника». Само чувство лирического героя чрезвычайно цельно, но субъект – дискретен и мучительно расслоен. И это – всегдашняя соль на раны. Потому что не всё так просто, потому что «путь от мужчины до женщины равен пути от женщины до мужчины только с точки зрения бесполого, одинокого человека».

«Платье над городом», как и первая книга поэта

«Астарта» не свободна от проходных строчек и строф, временами образная переусложненность и перенасыщенность выглядит необязательной, чувственность вырождается в бесчувствие, страсть в мертворожденную апатию. Где-то мыслеобразы поэта смотрятся чересчур вторичными по отношению к вышеназванным предшественникам. Где-то наблюдаются немотивированные речевые и ритмические сбои. Порой Горнов доигрывается до каких-нибудь «доберманов лжи», неизбежно вызывающих в памяти знаменитую пародию Владимира Соловьева на символистов с «леопардами мщенья», «мышами тоски», «гиеной подозренья» и прочей фауной. Однако надо заметить, что шероховатостей в новой книге значительно меньше чем в предыдущей, а вот достоинства «Астарты», продемонстрировавшей позднеромантические и раннесимволистские корни, из которых вызревала поэтика Горнова, остались неизменными. Можно вспомнить и повторить слова Светланы Шильниковой из предисловия к первому сборнику: «начало и любовь – связующие нити стихотворной материи, самостоятельное желание почувствовать этот мир и выплеснуться своим словом, родить и отвоевать его... Звук стихов Горнова – акустика голосников, плотная, открытая, наполненная, обволакивающая. И тем слышнее срывающиеся ноты». «Астарта» во многом была – книгой поисков. «Платье над городом» – книга находок. Находок, которые не отменяют дальнейших поисков. Так, например, третья часть книги, содержащая венки сонетов (достаточно сложный жанр, с которым Горнов справляется достойно) и аполлинеровского духа фантазматические и аллегорические миниатюры, демонстрирует активность этих поисков.

Творческие практики авангарда (а стихи Горнова при желании вполне можно провести и по ведомству т.н. «лирического авангарда», свойственного в частности современной

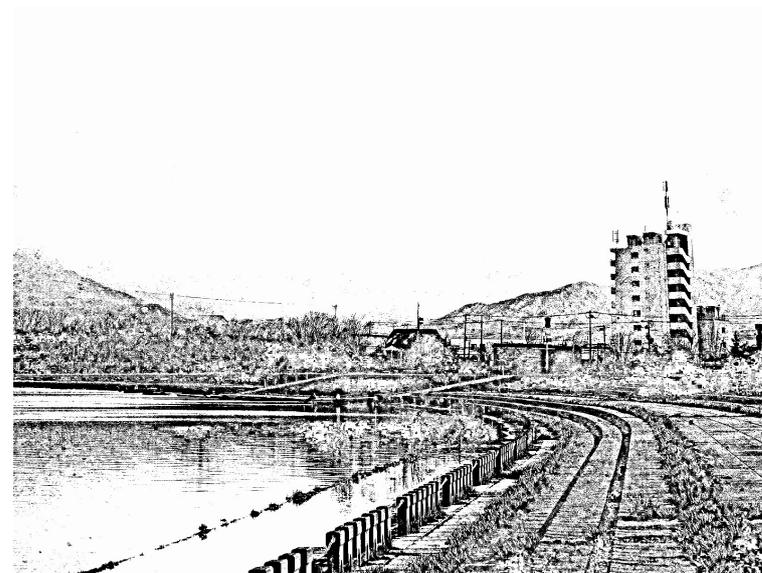
уральской поэзии) зачастую имели в виду «запинание» читательского глаза за строчку, которое провоцирует мысль и не дает стихотворению, влетев в одно ухо, вылететь в другое. Читать эти стихи нелегко. В них необходимо вслушиваться, вдумываться, всматриваться. Но читатель, который позволит себе этот благородный труд, будет вознагражден.

Григорий Горнов умеет сочинять поэтические тексты. Но что не менее важно – умеет любить. Соединение двух столь редких способностей не может не быть продуктивным. Голос его пока окончательно не окреп, но ощутимо крепнет, что дает нам надежду услышать однажды ещё более глубокие и самостоятельные поэтические пророчества и еще более подлинные слова о *«сути любви искомой»*.

Константин КОМАРОВ

Часть 1.

Набережные Конки

СТИХИ РЕБРО К РЕБРУ

Стихи: ребро к ребру.
Зеркальная гладь: истома
Лампочкой Эдисона
Ввинчивается в игру.

В них, чуть дыша, слова
Пальцами небо гладят –
Зная: отныне – хватит,
Требуют целовать,

Зная, где рай, где гвалт.
Медленный вдох царицы –
В асфальтную чернь орлицы
Выбрасывает, в ад!

ЖЕМЧУГ

Целуешь стену. Мотылёк на волос
Присядет, станет пылью, сном объятый.
Пусть перед звездой вечерней стихнет голос,
Запахнут губы кирпичом и мятой.

Когда ветра сомкнутся невозможно,
Снискав раскаты парниковых плёнок
Пусть многое случается. Пусть гложет
С неистовою верностью влюблённых.

Как дорог свет ныряльщицам на море.
Как звучна ночь: как тихи подворотни.
Ты этот жемчуг разыскала в горе,
Блуждая в поездах иногородних,

У площадей, разлитых под церквями,
Шлифуя рук и ног сухие стебли,
Когда ветра ничейными цепями
Повсюду Гайдна по небу свистели.

И надалтарный свет искал распятыё,
И чёрные монахини стояли,
Когда упало с оглашенной платё
Немыслимых, нездешних расстояний.

Стелила дым на перевалах домна,
Как будто накренившийся «Британник»,
И Черноземья сторбленный привратник,
Всё брёл в ночи, забыв про близость дома.

ИСКУПЛЕНИЕ

Искупление не состоится –
к обедне – бред:
тайга забивает гол
в ворота Аддис-Абебе.
И поэтому слово прощение
я ставлю пред
словами прощение, койка, коллаидер, бэби...
Ещё один выкрик,
родная,
всего один,
в вечность, простилающуюся
от невстречи,
как будто лава
между обхваченных ягодиц
в горизонте событий
словила кило картечи –

у всех женщин между ногами глина,
а у тебя – чернозём,
и поэтому,
чтобы писать тебе не нужны чернила.
Давай поднимем
стокилограммовую
гирю и унесём,
туда, откуда на землю
однажды пришла черника,
где на дубовом пне, потерявший память,
сидит левша,
стучит друг о друга
костьми царицы Федры,

чертополох, багульник,
черёмуха, черемша
чертыхаются,
когда их пугают вепри.

«Ужели в том стаде
не сыщешь себе овцы?» –
мир колебнулся, вздрогнул,
упал у паперти.
Никто из живущих
и живших
не годен тебе в отцы,
в этом причина потери тебя
и потери памяти.
Чем ты находишься дальше,
тем горше снег...
Ты по праву сочтёшь
сии письма греховными,
постольку-поскольку
за ними лицом к Шексне
наши кости лежат
с обглодавшими их грифонами.

КНЯГИНЯ МАГДАЛИНА

Княгиня Магдалина взаперти
На высоте наверное пяти
Стандартных колоколен душу греет
Стихами, прозой, анекдотом, «Кентом»,
И комп с невыключаемым агентом
Мерцает, полыхает, индевеет.

Там зуммер шторы на пороге сна,
Где Эос, розоперстая весна
Себе приют нашла круглогодичный.
Там цвет обоев выбирает явь,
Пока перед княгиней в окнах глав
Сюжетец закрутился драматичный.

Вот девочка сидит в одном окне,
Картину пишет: колыбель на ней.
В другом – она же, но уже за тридцать:
С ребёнком на коленях вяжет мост
В княгинину квартиру, на норд-ост,
Где путнику нельзя остановится.

РАЗГОВОР

В ковровиновой ночи,
смолкая над запятыми,
которые остаются
от неудачных встреч,
Вы меня забываете:
лучиной дотлеет имя.
Заместо луны дождливой
пусть светится ваша речь –

Пусть светит в дороги, в ставни,
в троллейбусные стоянки,
где пахнет клевером скверов,
блевотиной, шаурмой.
Дождь тянется паутиной,
и девочка-китаянка,
попав под него навечно,
не может пойти домой.

Пусть светит в глаза прохожим.
Пусть, этого недостойн,
я тоже приму остаток
пелёночного тепла.
Пусть карма Москвы изрыта
мечтами от Метростроя,
пусть в ней серебрятся бляхи
бутылочного стекла.

Футбольных полей экраны
зальёт этот тёплый ливень,
а Вы без меня уснёте,
где самый Москвы откос.

Хоть в Вашем шкафу прольются
все Ваши земные вина,
Вы будете завтра утром
у моря, с букетом роз.

И прошлое станет танцем
волнистого попугая,
и клеткой ему пусть будут
земля и небесный свод.
Сейчас же меж нами виснет
на проводе ночь тугая,
и Вы мне всё врете в трубку
про ваших земных господ.

Про абрис моей монеты:
про мой неземной фарватер,
про вашу лебяжью песню,
гаснущую сейчас.
Я знаю, что путь кометы
увенчан концом Арбата,
за коим струится золото,
и близится судный час.

* * *

Порывы ветра. Выцветший бетон.
В металлоломе спящий Фаэтон.
Я бьюсь коленом о скрижаль разврата.
Плачу эпохе годовой оброк,
Запихивая в ящик всё добро:
Моя пустыня требует возврата.

А ты уже монашествуешь в ней,
На синей гуще уплывая дней
На край еённый, света и России.
А у России не было конца,
Как мне сказали два Святых Отца,
Которые по средам приносили

Мне водку, сигареты и пожрать
И, заклиная мне тебя не ждать,
Рассказывали будущего сказки.
И после них всегда на берегу
Вдруг выгибалось дерево в дугу,
И крест на берег выплывал из ряски.

ЖИЗНЬ

Над Москвой чёрный парус.
Над Киевом медный щит.
Гармонист вагонный играет все песни разом.
Разбуди меня утром имя твоё вершить,
разгонять слетевшиеся над поездом метастазы.
Что кондитер знает:
не перепечь пирог.
И не вынуть иголку из-под моей лопатки –
знает любимая. И поскольку ты одинок
ты будешь терпеть эпилептические припадки,
ни врагу и ни другу
не пропев коляд
в процессе своих беспорядочных перемещений.
Из прошлого в будущее переливающийся яд
в настоящем видится мне как покой душевный.

* * *

Вновь доносится грусть
со скамеек,
с помоек крысиных...
И фонарь рассекретил
старинную карту японца.
Не грусти, не болей.
В нашей жизни так мало красивых,
слышишь, шепчет тебе
королева Эвксинского понта?

Тёплый ветер пошел прогуляться
в апрельских больницах.
Мы для Бога
свечные огарки в раскрытой ладони.
Я тебе не сказал,
я люблю тебя, слышишь, малышка?
(Богоматерь не любит,
когда называют Мадонной.)

Чёрные воды несутся
сквозь глянец плакатов.
Ветки чёрных рябин
подражают симфониям Баха.
И на дальних мостах
разноцветная россыпь цукатов –
приглашенный оркестр
гонит волны эвксинского бала.

И старинным балконам
ветер песню поёт роковую
над пустынным шоссе,
где троллейбус проехал бесшумно.
Светлячкам, что попали
сегодня в метель круговую,
каждый выдох смертелен.
Любое дыханье безумно.

* * *

Кости, неправильно сросшиеся герани,
спасают от зависимости, от мимикрии.
Мы отправляемся к югу разными поездами,
ты заедешь на свадьбу к сестре, я заеду в Киев.
В глаз попадает пыль, залетающая в автобус.
Телефон выключаю, чтобы ежесекундно не ждать ответа.
Вдали распускается роза. В небе стоит Европа
перед зеркалом равнодушна, полураздета,
упоённая жизнью до слепоты, до потери пульса,
пытается выбрать серьги, помаду, тени.
Я притворяюсь минусом, играющим в игры плюса,
пользуясь суетой футбольного столпотворенья
для проворачивания грязных делишек. Жить мне
по-настоящему уже видимо не придётся,
и поэтому я не слежу за душой, подвешенной на пружине.
И смерти тигрёнок с победным лицом крадётся,
не подозревая о своём бесправии точно так же,
как доверяющие зренью здешние пассажиры,
видя в окнах новенький стадион, забывают наши
магаданы, семипалатински, кунаширы.
Я трясусь на сидении в самом конце салона,
удерживаю взгляд на книге: страницы беспечно тратя,
ты напоминаешь мне первую женщину Соломона,
и стихи твои – неприступные стены плача.

ПУТЕШЕСТВУЮЩЕЙ ПОЕЗДАМИ

Поэтам менять фамилию, что снегам – гражданство,
Словно садовый шланг – перемещать границы.
На берег Москвы вынесено пространство,
В нём мишура, возгласы, проводницы
С лицами христианок неронских времён забытых,
Семинаристы, торговцы в турецких шубах.
И, сидя на чемодане среди толпы пюпитров,
В шашки со смертью играет ребёнок Шуберт.

С удалением от точки А пропадает голос,
Пространство высушивает волосы и ресницы.
Закат исчезает вдали, как заблудший Голем,
И горло не вылечить настойкою медуницы.
Ты лихо минуешь мой городок аптечный,
На гербе которого змеи становятся червяками,
И дальше по Фрейду... И узелок заплечный
До самого верха наполнен черновиками.

Наши судьбы расходятся по теореме Фалеса,
Т.е. расстоянию время прямо пропорционально.
В плацкартном вагоне затерянная поэтесса
Отождествляется с тёлками, пацанами.
И когда её окликают самаритяне,
Дантов круг останавливается, как заезженная пластинка.
Радио в букет связывает меридианы.
Поезд несётся. В стакане дрожит гвоздика.

ВЕНЧАНИЕ

Лампадным конусом подсвечена,
Сказать боюсь – освещена –
С младенцем маленькая женщина,
С царицей отождествлена.

И мы стоим в нарядах свадебных:
Ты в белом свитере, я в той
Рубашке в бархатных заплатинах,
Что твой отец носил весной.

Псалмы читаются венчальные –
Какая радость для невест!
Глядят свидетели случайные
На нас, евангелие, крест.

Стоим пред алтарём, нетканые,
И всё уже завершено.
Над золотистыми лиманами
Мигает звёздное пшено!

По свежевыпавшему крошеву
Идём сквозь город суеты.
И отлетает глина прошлого
От Ахиллесовой пяты.

Земля застроена здесь дачами
Как и в прибрежных областях.
Проводниками предназначено
Нам быть на местных поездах

До дальних зим, до самой старости.
До самой атомной войны,
Когда на нас набросят саваны
Легчайшим краешком волны.

Когда нас понесут воздушные
Потоки в белом ватном сне,
Мы, как дымки свечей потушенных,
С тобой вплетёмся в этот снег.

ОТПЕЧАТКИ

Твои отпечатки пальцев на прутьях забора у трассы,
идущей во сны.
На гранитных фронтонах, колоннах и парапетах.
На вызревших виноградинах и на счастливых билетах,
На обмякшем лице, измождённой от счастья весны.

Твои отпечатки пальцев на кнопках кодового замка,
На кнопке вызова лифта, на его стенках – все десять.
Как на оконном стекле отпечаталось полнолуние в этот месяц –
Отпечаток указательного – на объективе дверного глазка.

(Та луна разливалась в пространстве двойного стекла
Амбивалентности лестничной клетки, пока что в миноре),
Так по нашей крови без конца разливается горе,
Зарождённое где-то в груди под вершиной соска.

Так, когда была ты зародышем, отпечатался палец отца
На твоём животе, на твоём позвоночнике – пальцы.
Между чувствами всеми были музой положены кальки,
И они создают и течение жизни, и форму лица.

Вся ладонь отпечаталась разом на ручке дверной.
И вся жизнь пролетела твоя пред моими глазами.
Отпечатки твои – как любви неизвестной глоссарий –
На кирпичной стене, на земле пред кирпичной стеной.

Отпечатались пальцы на кране холодной воды,
На ручке сливной унитазы, на зеркале ванной.
И на созданной кем-то большой хризантеме стеклянной
Твоих пятиногих чудовищ остались следы.

И тяжесть метафоры я ощутил под рбром –
Два айсберга жизни столкнутые лобково и лбно.
На дне ушной раковины отпечатался палец, подобно
Кружевной акварели, задёрнутой вещим добром.

Электрический шар безразборной эклектики тел
С отпечатками пальцев, распавшимися на электроны,
Как подводный пузырь с тем мальком, восседавшим
на троне,
Что потом так легко уклонялся от греческих стрел.

Отпечатались пальцы твои на пепельнице, на мундштуке,
На фотографии мамы, на лакированных подлокотниках
кресла.
Так потоком дождя, расплетаясь, становятся чресла,
Так ночами горит твоих отпечатков созвездье в руке.

В долгие дни одиночества, когда ты с другим
Режешь лук и морковь, помидоры, капусту и перец
И печёшь пироги, и идёшь в магазин, как индеец,
Когда делает паузу мир, и перо полыхает над ним.

Тогда одиночество, выходящее в авангард,
Своим безязыким лицом заполняет пустоты расщелин.
Появляются в мире Иванов, Тарковский, Есенин –
Отпечатками пальцев твоих под молчанье цикад.

Так в квадрат мироздания попало когда-то копьё,
И проклятие это лежит до седьмого колена.
Также было в Элладе: Одиссей, полюбивший Елену,
По законам поэмы не мог быть мужчиной её.

ЗЛАТОУСТ

Ты разденешься молча, снимешь с руки кольцо,
Накрасишь губы помадой цвета весенней крови.
И за плотную занавеской заполыхают кровли,
На занавеске высветив переливающееся лицо.

Ты разденешься молча и подойдешь ко мне,
Развяжешь верёвки на пальцах, вынешь спицы из всех
суставов.

И странники всех времён в могилы пойдут со старым
Хабаром, выкопанным у церкви, пока шел розовый снег на луне,

Катящейся по сопке над переливающимся Златоустом,
В окно поезда бросая обрывки желанных слов,
Тех самых перед которым остыть готов
И Везувий, и крест в его кратере заскорузлом.

Пожарная каланча, шпилем которой небосвод навьюжен.
Долгая ночь. Мира сдвинутые столы.
Полоска света, стекающая со скалы.
Круглая люстра. Женщина. Поздний ужин.

Золотая цепь. Обглоданное ребро.
Горгуля, качающаяся на качелях.
Отшельники в тёплых сухих ущельях,
Расходящихся радиальными линиями метро.

Прохладное тело. Тёплая неупругая грудь.
Продрогших пальцев неопределённая принадлежность.
Вечность, перечёркнутая словом «нежность»
И репликами наподобие «Прошлое позабуди».

Дно ущелья. Город во все миры
Передаёт сообщения на морзянке.

Постель обнаруживает приличными неправильные осанки
И придерживает будущее до поры.

Одинокая вишня. Полчище кустов бузины.
Долгие поцелуи делают жизнь короче.
Луна наточенным краем режет фарватер ночи,
И с её палубы в небытие падают пацаны.

Капля крови на верхней губе с маяком на границе сна
Через зеркало тела связываются сетью лёгкой,
Которую вяжет Арахна рядом с луной поблёклой,
И Пенелопа спит у остановившегося веретена.

Две тысячи километров до центра. На каждом – стоит волна,
И поезд, проезжая сквозь них, к звёздам бросает брызги.
И одетая женщина в красном шарфе говорит мне: «Брысьте,
Уходите, прощайте, в общем идите на».

* * *

Горизонт обесточен (в ГЭС попала звезда).
Кровли засыпаны выкристаллизовавшейся тьмой.
Мы, интуитивно попав в разнонаправленные поезда,
Движемся друг от друга по спящему Подмоскovie
Ты на Юг, я на Север, как будто какой-то бес
Магнитных опилок насыпал в компас, стянул как скатерть
Наше прошлое со стола и под шумок исчез.

Я люблю тебя от бусинок до ногтей,
И при этом, конечно, и ногтя твоего не стою.
Горизонт обесточен. Время всего лютей,
В этом дантовском круге движение сродни простою:
Север тоже что Юг, если так раскрутить
Землю, как той далёкой ночью,
Когда вилась сквозь наши раковины ушные самозванка нить.

Горизонт обесточен. Горит фольварк.
Дым над кладбищем напоминает Рембранта с кистью.
Ничего не спросить у музыки, коли так
Музыка эта справляется с нашей жизнью.
Не разобрать где тут страсть, где грех.
ГЭС скрипит. Темнота сверху сыплется на турбины.
И на многие километры раздаётся смех.

Отрезай полотно для савана, как лиман
Отрезает солнце, перед тем как уйти за горы.
Слушай только меня, ибо всё вне меня – туман:
Двух звёзд во времени затихающие переговоры.
Слушай только меня, потому что нет
Большой лжи чем мои слова, и тем заметней правда:
На обратной стороне души раскрошенный сухоцвет.

ЛЮБОВЬ

В этот реактор мы положили друг друга,
Скипетр и державу, два обручальных кольца,
И увидев будущее, убоявшись его лица
Наполнились голосом Севера все подворотни Юга.

Выйти на остановке у парка, пройти двести метров вдоль
Дороги, встретить кампанию, отмечающую день Селены,
Притворится осыпающимся кустом сирени,
В ответ на предложение опробовать распиваемый алкоголь.

Повернуть направо и продолжать идти,
Нешадно треща, корнями вспахивая газоны,
И ветвями укрыть и объявить спасённой
Любимую женщину, встреченную на пути.

Стать человеком, чтобы, напуганная, она
Долго бежала от голоса подворотен в чащи
И, выбегая на просеки, оглядывалась, словно в чаше
Спаситель оглядывается, словно не видит нас.

Где спит пограничник и мечется соловей
В ветвях огромной бесстыдницы, не попадая в ноты,
Звёзды не задерживаются на земле, попадая в норы,
И самим себе кажутся в них светлей

До первой большой воды, подгоняемой, знаю кем,
Борющейся с колокольным звоном, организованным кем
не знаю.

Именно там вы встретите ту журавлиную стаю,
Которая пролетела весь век, дребезжа на её брелке.

И, оказавшись над остановкой, пролетела двести метров вдоль
Дороги, увидела кампанию, отмечающую день Селены,
Рядом с которой ворочался срубленный куст сирени,
И была человеческой его деревянная голь.

* * *

Чёрные сосны Херсона. Монастыри.
Дебаркадеры, съеденные невидимой тлём дотла.
Пустынные улицы, заезженные пустыри.
Шлак, просыпанный из треснувшего котла.

Сложно поверить, что тут я когда-то жил.
А теперь посмотришь кругом – одна Яуза... И Москва
Вымывает из тела остатки стихов и жил
Сквозь штанины, уши, кольца и рукава.

Что останется? Мрамор не для метро –
Белое тело без рёбер – комок стыда.
А что вспоминаю? Пили с тобой ситро.
За ухом ромашка. Дорога невесть куда.

Как в глуши, по пояс в какой-нибудь там Оке,
Вытанцовывая голое Ча-ча-ча,
На тебя, понимающую: «Всё о'кей»,
Смотрю глазами свёрнутого ключа.

ПТИЦА

У неё были кудри из прессованной пыли,
Душа голубая с прожилками железных дорог.
Пружины в локтях, в коленках. И мы любили
Временами переходить с молчания на монолог.

Когда я родился, заводные птицы не выпускались:
Заводы перешли на радиоуправление, провода, ИК.
Для заводной птицы требуются специальные сплавы,
Сноровка рабочих и ещё много чего недоступного в наши века.

Но как-то в речку я уронил мобильник,
Полез в воду и, рыская в иле, я отыскал её.
Я купил ей платье, и мы ходили в лес собирать чернику
И ту белую ягоду, что тогда не исчезла ещё.

Мне звонили друзья, однокурсники, бывшие жены,
Но вместо привычной речи слышали разговоры рыб
И как в мутной воде шипят упавшие с веток клёна
Звёзды, не похожие на молчаливые, упавшие с веток лип.

* * *

В том краю, где заканчиваются наши долгие разговоры,
Не стоит водонапорная башня, не горят пирамидальные
тополя.

Знаки препинания ветром памяти относятся на поля,
Ангелы зажигают файеры, и туман застилает горы.

Семафоры образуют шахматную доску, над которой сидит заря
И как ты не ходит, а всего только пишет, пишет
Мгновение за мгновением и засыпает крыши
Поцелуями, сделанными из чистого янтаря.

И соловей, как автор, летит по своей кривой,
И ничего не меняется в жизни его. (Вспомнить несчастный
случай,

Что наградил жестянойкой с бациллой твоей певучей,
И на предложение смерти, поморщась, махнуть рукой.)

Верховные маги, поэты, тем паче бабы
Всегда готовы на подвиг ради самих себя.
В извилинах плещется водка быстротечная, торопя
Растущие из мирового линолеума светлоголовые бабабы.

ОЛИВИЯ

Как дерево скрипнет дверь. Загудит сквозняк.
Как жизнь проедет за лесом мотодрезина.
Мыслей закончится бессмысленная возня.
От порыва ветра у крыльца упадёт осина,
Закрыв крыльцо волосами, как ты меня.

Голос, тихий как пианино в доме на другой стороне
Вечера, дикого, как женщина, родившаяся в подвале
И жившая помимо подвала только лишь на луне,
Куда её однажды унесли домовые и как машину припарковали,
На любой вопрос она отвечает всё не и не.

Мечта – материк, забывший про текучесть вод,
Стихотворением пленной римлянки закольцовывает
скрижали,

Превращая их в то, из чего твой святой народ
Сделал собственно то, на чём мы с тобой въезжали
В Иерусалим стиха, камыш, шестьдесят там какой-то год.

Я на тебя надеваю сначала один, а потом и другой чулок,
Как будто я тебе не поэт, а всего-то сказать, любовник –
Пластмассовый ключ от леса. Солнца пустой челнок
Наматывает дни на землю. Ключами звенит ольховник.
Ты надеваешь платье. Вечер ввинчивается в позвоночник.

И души разорванной серпантин
Будут болтаться в груди ещё долго, долго,
И зрачок, высунутый как фитиль,
Который поддёрнула речи твоей иголка,
Очень скоро, пожалуй, пойдёт в утиль.

* * *

Затоплена твоя земля. А я,
Уже сливаюсь замертво с толпой.
Последний стих, написанный тобой,
Невозвратно вышел за поля.

И Лета поднялась и мир иной
До самых домен залила давно.
Перовское шумит веретено,
И пахнет краской, уксусом, вином.

Труби, труби, мой ангел, бледный друг.
Крутись-крутись меж Сциллой и Москвой.
Ты берег вдруг нащупала морской,
И новая волна размыва круг.

Прости. Прости... Шучу-шучу. Шучу!
Уйди-уйди – размой меня в слюне,
И твой сосок покатится к луне,
Оставив грудь пустую и ничью.

И ты пройдёшь портьеру, зеркала.
И выйдешь гологрудая в горах.
И новый одолеет тебя страх.
И новый возоймёт тебя феллах.

И ты забудешь, что такое смерть.
И новые стихи напишешь в срок.
И новый отрастёт груди сосок.
И новый я приду тебя иметь:

Солёной кожи вороша листву,
Начну с мысков, закончу головой.
Или как встарь: от головы к мыску.

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Руки по швам недвусмысленно протяни,
Ты, навещающая каждую божью ночь.
Двухмерная роза ситцевой простыни
Выключилась на насыпи между тобой и мной.

На черепице проявленный светлый лик
Методом поворота каждой под заданным нам углом,
Поворачиваясь, сюда зазовёт калик
Перерасставить всё, перепрошить в былом.

Чтобы на завтра были другие рубцы и другие швы,
По кусочкам съедая разрезанный помидор
Памяти, до девственности, до оголения лжи
В том, в чём ложь выжила до сих пор.

* * *

Когда любимая женщина скажет идти долой,
Когда время на корточках обрушит молчание кораблей,
Мы окончательно определимся кто первый здесь, кто второй,
Кто самшитовый крест, кто песок, кто пятьсот рублей.

Когда любимая женщина с повинной придёт сама,
Скинёт плащ, слухом примет, зрением обожжёт,
Мы вернёмся в заброшенные родительские дома,
И будут печаль и слёзы, но будет нам хорошо.

Когда любимую женщину за руку, к алтарю,
Покорную, отрешенную, такую, что можно жить,
Я всё написанное человечеством заново повторю,
Чтобы любимая женщина уйти не смогла решить.

Иконы венчальной потрескается киот,
Но лик возгорится так, чтоб весь мир ослеп,
Когда любимая женщина вдруг умрёт,
И моя душа отправится ей вослед.

* * *

Когда запустили коллаيدر, мы растопили печку,
И стало теплее в доме, как понял – то был аванс.
И я приказал серёжке – не говори колечку,
Что вы из одного слитка, что песенка не про вас.

И я надел сережки, а позже надел колечко,
И сильно забилося сердце у той, на кого надел.
И я ей сказал, что кроме нас ничего не вечно,
Ну разве лишь что над печкой подвешенный чистотел.

И я ей сказал будь первой, кто сейф без ключа откроет –
Ты просто его откроешь, поцеловав замок.
В том сейфе жива фиалка и карточка-полароид
Папина, и открытка мамина, и письмо.

Что в этом письме не знаю, лишь ты разберёшь тот почерк,
Но пишет не Сын Господень и не людской изгой.
Я знаю лишь, что огромный мир берегут те строчки,
И ангелы тьмы и света встречаются над строкой.

* * *

Когда сменялась песнями натурщиц
Та тишина, что поглотить могла
От левого до правого орла
Всю землю, словно кольцами Сатурна,

Его чело спало – окружено
Её любовью, искренностью птичьей.
(Её любовь была к нему безличной,
Как не предвзято к пьющему вино.)

Она ему лгала как на духу,
И ложь её была прекрасней правды.
И, в зеркало глядя из-под оправы,
Она сгибала прошлое в дугу,

Как лук тугой прекрасной Одиссеей –
Её с рожденья называли так.
И падали пред ней и друг, и враг
В одну пучину свежести осенней.

И жало она прятала в цветах,
Когда ждала его, стесняясь неба.
В дому её был слышен запах хлеба
И переливы феиных гитар.

Она его водила во дворец
Рукою, загоревшей на Олимпе.
И в зеркалах дворца сверкали блики
Её немалочисленных колец.

И пыль времён таилась в роще взгляда.
Когда он целовал её, она
Была нежней, чем в роднике луна,
Когда струилась ночь из-за ограды

Её владений. Солнце перешло
За неба край, залив собою волны
И, постелив себе в кристаллах соли,
Угли Аида в домнах подожгло.

* * *

Белая лилия, цветущая у заводи на пустыре,
Чей запах переплетается с душою выгоревшей полыни.
Лилия и полынь – двуглавый орёл, не взлетевший
при той же заре,
При которой верблюд зажевал самое чёрное сердце пустыни.
В нём есть правда, есть ложь, есть насмешка над жизнью самой:
Лепестки – словно руки блаженных, поющих «Осанну».
Улыбается дым над бетонной дорогой прямой:
Не проехать по ней никому к моему покорённому стану.

И не выехать из, слыша арии лучших недель,
Где находишь тех бусин, попавших в горох разговорный –
И они исчезают... Скоро дождь превратится в метель.
Скоро включатся сосны иллюминацией плоскогорий.

КОМНАТА

Наш дом: стены влажные без обоев,
свет проступает из стыков паркета кверху,
люстры раскачиваются пьяницами в запоях,
наше ложе напоминает ветку.
Время застыло, от чувства внизу порога,
лицо его при этом не изменилось.
К морю от окна каменная дорога
присыпанная песком тем, что был илом,
удлиняет комнату, растекается
корнем дерева (пляжем),
но в море зайти боится –

(Рябь обуславливает трёхмерность, т.е.
может не вовремя раздвоиться).

* * *

Пойдём греться, родная, достанем чай, рафинад
И наедине друг с другом окончательно обрусеем,
Доживём до зимы, в снежных вихрях поднимемся над
Бесполезным парком, остановившейся каруселью.

Нам зима продиктует новых стихов блокнот.
Мы будем салютами, выплеснутыми в открытый космос,
Той жизнью, что в прошлом была общей души оплот,
А сейчас только фантомная боль колосьев.

В пустынном парке с газовыми баллонами Прометей
Будет тащиться, проживая судьбу дочернюю.
Мы встанем в храме среди таких же, как мы, людей,
Ангел мелькнёт со спичкой, и запоют вечернюю.

* * *

Когда весь песок высыпется из колыбели,
Ты встанешь с кровати, иголкой проколешь ухо.
Перекасти-поле будут вкатываться в безветренные аллеи.
(Миазмы смерти). И жизнь как оторопь духа.
Любимая, дай мне руку, пока мы живы,
Пока вгрызаемся в кислород сетью альвеолярной.
Пока нас не проглотил ящер с глазами Шивы,
Заболеем бессмертием, уснув под звездой полярной.

* * *

Обретая покой, ты раскачиваешься над звуком,
Словно тореадор над разъярённым зверем.
Я в этом вопросе только твоя прислуга,
Спутник, который пикирует в ионосфере
Над постоянной зимой, озарённый холодным, алым
Светом полудня и напрочь ума лишенный,
Догадывается о том, что тебя не стало
И лишь тишины требует, оглашенный.

ГОРШОК

Слушая Баха, глиной найтись в пещере,
Сложиться в корзину, отнестись на гончарный круг,
Упорядочить форму и в толчее кошерной,
Споткнувшись о руки, рухнуть в воловий круп.

Говорили камни: не ходи на рынок,
Стой на балконе у поэтессы скал,
Среди мешков, кастрюль, полотенец, крынок –
Ты появился и, стало быть, опоздал.

Теперь остаётся лететь, проклиная воздух,
Поворачиваясь горлышком на живую речь:
Время замедлилось, и поэтому запах розы,
Что остался внутри, я пытаюсь в себе сберечь.

И последние выпуклые секунды
Чувствую горлышком, выпячивая загар.
Мария с младенцем спят посреди закуты,
И волхвы приносят последний дар.

Но невольно жалко лишь лик богини,
Что справедливо вывели мастера
На моём боку, разлетающийся с другими
Черепками, как греческая стена.

* * *

Юркие кудри школьниц. Усердные проблесковые маяки.
Кружащиеся юнкера в норковых шубах маминых.
Горящие глаза горгон, уже как полвека каменных,
Радар, вращающийся на ракетном катере в устье реки.

Женщина, передающая другой женщине кефирный гриб.
Группа туристов из Белоомута, замолчавшая почему-то.
Ареопаг дождя со стенами из перламутра.
Стая чаек над местом пленарного заседания рыб.

Твой волос, подвешенный на облаке, который я задел рукой.
Звезда, нависшая пуговицей, которая оторвётся завтра.
И в толще воды, как светящееся отражение космонавта,
Проплывающий аквалангист с жемчужиной
за оттопырившейся щекой.

Сезонная роза ветров, как и прошедшая мимо женщина,
пахнувшая недурно.
Трамвай, пальцами перебирающий струны гранитных плит.
Фасады домов такие, как будто повсюду костёр горит –
Это ко дню рожденья Венеры Юпитер снимает кольцо
Сатурна.

* * *

Ты каждым взмахом тела
дарила мне ребёнка и дарила
руки волосам моим.
Дарила грудь – когда груди, когда губам,
когда, своё ты платье приспустив, дарила грудь спине,
даря при этом лоно нижним позвонкам.
Дарила бёдрам бёдра, а крыло
дарила ты крылу – нам их сшивали
бесчисленные летние дожди.
А влагу недр своих
дарила ты лицу –
меж двух высоких берегов родник твой бился
и быстро высыхал, на скулах оставляя
песок золотой.
И локоны твои потом дарили сны, и в них
шептала роза мне о том,
как ты одним благословенным днём
себя очам моим навечно подарила.

МЕТАМОРФОЗА

Я потерял номерок от камеры хранения, куда сдал ключи.
Ключные зазубрины, дорожки
заменило забытое мной целое число.
Лица деревьев удлиннились и исказились,
при каждом моём движении они прятались друг за друга,
поэтому их точное число я мог узнать
только у демона Огня.
Их глаза добры, безучастны.
Они не могут, поэтому перестают хотеть,
и непрерывный рост искажает лица,
форма которых застыла когда-то в прошлом.
Так девочка сдавливает голову кукле.

* * *

Красное солнце, уйди за черноморский флот.
Я тебе завещаю весь кислород,
Бег тромбоцитов в тени моста,
Маскхалаты берега городского.
Из букв, проступающих на обороте листа
Складывается слово.

Кожа отсыревает, превращаясь в слизь.
Знакомые все разъехались, разнеслись,
Как мелкие семена птицами монополий.
А я травояден лишь от нужды.
Свекла и картофель мне отродясь чужды.
Севастополь не пропололи.

Платаны приобретают форму слов.
Но в их кронах не видно ни лиц ни снов.
Я поднимаюсь по лестнице на Голгофу,
На которой вместо креста бачок
С корабельным топливом. Дурачок,
Улыбаясь, бросает в него бычок,
Уничтожая эпоху.

* * *

Чтобы лучше выглядеть, ты покинула град Петров,
Поселилась на юге, где у местных в садах черешня,
И воды прилива приходят вместо вешних,
И доносится то строчка из Блока, то аккорд битлов
Из окна соседа. Над морем натянут стяг
«Добро пожаловать», видно с таким намёком,
Что если уж в воду, тогда обрасти оброком,
Если ты, конечно, женщина – ведьма (не холостяк) –
Выводи татуировки. Капай в кофе болиголов.
Носи платье на босу грудь, чтоб дразнить мальчишек.
Заколи волосы. Забудь что твой Чижик-Пыжик
Попал в фатальное окружение крылатых львов.
В своих снах создай первобытный дух,
Подобно мормонам не пей горячительные напитки,
Ни на дальние гроты и ни на дно кибитки
Не ходи на свидания, как бы ни услаждали слух.
И тогда о тебе напишет какой-нибудь там поэт,
Мол, ты носишь шелк, ширяешься туманами и духами,
Что моё кольцо носишь на безымянном, что живёшь
при храме.
А когда напишет, поймёт, что спасенья нет.

* * *

Под сводами метели спит край села,
И лесовоз путника подберёт,
И снежная богиня гола, сыра,
Бесчувственной рукою пакует лёд.

Как лампочка, выключена ладонь.
Держу сигарету, как рок южан.
В рюкзаке две книги, кольцо родной,
Тёплый свитер, зарядка, верёвка, шант.

* * *

Я катал камни по небу. Мне снились сны.
Мне снилась всегда та, с которой я спал. Это были пунктиры.
В том городе мы просыпались во время зенита луны.
Нас будил шум вязания, доносящийся из соседней квартиры.

И дрезина проскрипывала в одиннадцать вечера
и в семь утра,
И на рельсах узкоколейки были рассыпаны созвездия
разновеликих ягод:
Так когда-то душу поэта брала и носила Кура,
Так когда-то над озером памяти этим все травы полягут.

Я не боюсь смерти и не боюсь адских мук:
Память не может исчезнуть. Память не разрушима.
Так цветы выросли из её обессиливших рук,
И качалась над городом заснеженная вершина.

* * *

Твоя могила на границе сосен.
Я поменял кольцо на котелок.

– Ты знаешь сколько будет вёсен
и сколько строк?
– Ты будешь чай? Я вскипячу пожалуй...
(достала огонёк из-за скулы)
Так кто ты: нечестивец иль глашатай?
Пришел куда?
– Не помню точно... Помню: шел на голос.
– Тебе чего – халву иль козинак?
– И то, и то.
...Наверное, твой волос.
– Молчи, дурак
– Твой город тих. А знаешь я откуда?
– Я догадалась. Голубых кровей?
(смеётся)
Глянь, у ос в гнезде собралась
толпа бровей...
– Я помню миг, когда ты появилась:
ленивый взмах небесного тряпья,
когда в груди моей остановилась
петляющая Яуза тебя.

* * *

Твой левый глаз – спеленатый Феб.
Твой правый глаз – разогнанная фреза.
Выпей, странница, чёрный хлеб,
Опусти глаза.

Мы не жили в том городе, где костры,
Где в садах стоят корабли плюща.
Я дарю тебе нежность своей сестры
В тишину плаща.

Я знаю больше твоих богинь,
И всегда рифмую: грудь и будь.
Ты по кронам флокс тишину раскинь,
Запахни ей грудь.

Здесь над живыми парят мосты
И ворочается ленивый день.
Подари Раифский мне монастырь,
Подари мне тень.

Оживают линии на руке,
Оживают звёзды в сетях лесов.
Мы с тобою будем в одной реке –
Груз одних весов.

Я сегодня жив, я сегодня шел
К самому красивому кораблю.
Несговорчив рок. Непременен дол.
Я тебя люблю.

МЕЖДУ АРСЕНИЕМ И МАРИНОЙ

– Что ты видишь в окне?
– Тени движутся вместе со светом –
то берёзовый шторм
или память с горящим кастетом
над рекой проплывает?..
Шоссе пропадает из виду,
но машина видна,
также можно найти Атлантиду
и казахскую степь,
станций железобетонных
несколько штук
и на каждой
ржавеют вагоны:
Чингерлау... Илецк...
Всё безлюдно и выжжено солнцем.
Проводница прошла,
громыхая таким же червонцем.
Пролетел самолёт:
от крыла до крыла метров десять,
снова мимо прошла
эта женщина
в синем жакете,
дети смолкли...
        заснул украинец...
                казах улыбнулся...
неужели к тебе, дорогая, я снова вернулся?..

Посидим. Помолчим.
Погляди на твой город вечерний.
Выпьем кофе без сахара.
– С ним?
– Не имеет значенья.
Прибежит рыжий кот,
прыгнет мне на колени,
и букетик гвоздик
нам покажется веткой сирени
из «Первых свиданий».
И всё расворится:
печаль перестанет
и свежего ритма
густая волна пронесётся по книге старинной
между Арсением и Мариной.

* * *

Я проснусь внутри проводницы, толкнусь в пупок
(С обратной стороны) и она прольёт чай на тебя.
У неё появится желание лечь у твоих ног.
У тебя появится желание засунуть ей в рот свой чулок,
А потом, овладев ей несколько раз, закрыть в своём СВ

И время от времени пользоваться дорогой во Владивосток,
Между посещениями ресторана, чтением пьес дрянных,
Курением трубки, выстирыванием носков,
Питиём портвейна... И поезд станет как водосток,
Который вращает в своих жерновах водяных.

Только он будет вращать вас в жерновах духа.
А я буду сидеть внутри проводницы
И вместе с ней испытывать оргазмы, полученные от тебя
(Меня будет от них мотылять из стороны в сторону),
Я буду заслушиваться вашими стонами,
И, приставив кулачок к нижней полой вене, буду кричать:
«Люби!

Люби, чтобы потом бежать по осыпавшейся хвое октября,
Путаясь ногами в исподнем гигантских лесных богинь!»

Я буду ручками на брюшной стенке ловить твои поцелуи
и прикосновения,
И проваливаться в бездны сладострастия, чувствуя твою
ответную дрожь.

А потом я буду долго вслушиваться
как восточносибирский дождь
Барабанит по крыше поезда, остановившегося пропустить
встречный.

* * *

Тело ломит, будто в суставы попал песок,
Мысли нечисты, будто в теле мёртвый ловкач горит.
Мы так похожи, словно льняной мешок
Вслед за тобой надел на меня Магритт.

Также и с городами, и со звёздами ныне так.
Трогая небо – созвездий снимаешь звук.
Фонарь провалился. С дерева ночь снята.
Седеют вокзалы, уставшие от разлук.

И по набережной бродит Василиск ничей,
Ищет такого момента, воскреснуть чтоб.
В полнолуние море волнуется в сто свечей,
И погружается в траур – в глубокий шторм.

* * *

Телеэкран, рассада на окне,
Светящиеся кнопки на приборах...
Струится время, чей треклятый норов
Хоть постижим, но непонятен мне.

Спит женщина и от неё дымок
Вверх вьётся волосом. Дышать мне стало горше.
Как хочется, чтоб завтра пришли гости
Или двойник сказал мне: «Как ты мог...»

В окне лишь небо. Я тянусь к окну,
Но падаю назад, как будто болен.
И слышится с настенных колоколен:
«Идёшь ко дну...»

ТАХИКАРДИЯ

Когда ты уехала,
вороны столпились вокруг меня
и, когда я делал шаг,
поднимали шум.
С карнизов привокзальной гостиницы
капал свет.
Лицо твоей героини
погружалось в глянecь озера.
И в эти же секунды
по обложках всех стоящих в киосках журналов
пробежала косая волна.
Когда ты уехала, засветились сосны по берегам рек,
и звено истребителей взяло курс
на Утреннюю звезду.
Мой отец нашарил в кармане рубашки пачку сигарет.
Моя мать подошла к окну и увидела
возвышающегося над гладью городского парка
огненного Голема, жонглирующего гробами.
Вороны расступились,
и я пошел туда, где стучало сердце пленной:
к старому советскому радиотелескопу
за тысячами озёр.
И я сказал: «До свиданья, вороны!
Шейте подвенечное платье и саван: ей и для меня».

Часть 2.

НАГОРИЕ

СУДЬБЕ

Осенний слог. Счастливые деньки.
Корица в кофе всё ещё заметна.
И нет причин снимать с руки кольца.
На нефтешах белые чулки.
И небеса не требуют совета
У своего всевышнего отца.

Когда уснёшь, подумай обо мне –
И будет сон твой недалёк от яви.
Как отмель, потихоньку заживай.
Иного продолжения здесь нет,
Как будто память у небес отняли.
На занавеске нарисован рай.

Живи во сне, готовой ко всему,
Прислушивайся к ветру или ливню.
И может быть, из завязи окна,
Когда я опрометчиво вздремну,
В твой сон, как будто в мокрую калину,
Я провалюсь, как нить из полотна.

Всё – шумное либретто пустоты.
Все судьбы есть распущенные звёзды.
И нет судьбы, отличной от других.
«Не знает ни болот, ни высоты
Царица Крита, для которой свёз ты
Цветы земли, аккорды отрубив».

Ты собираешь щепки для костра
У водопада брежневской плотины,
Две чайки вяжут солнцу кружева.
Ты понимаешь: в прошлом нет креста.
И сколько б мы иллюзий не плодили,
На всё есть свой черёд, пока жива

Скорее ты... В каком из чердаков
Кольцо, свирель и знак междуособиц?
В каком краю дыхание твоё?
Как смертный меч в руках у дураков
Твой безымянный черно-белый оттиск,
Что мы когда-то сделали вдвоём.

ХРОНИКА

Как на ризах Атлантики
в вечное море вплывать –
вспоминать и неметь,
восторгаться привыкшему к быту.
И, на шаг обгоняя удачу,
листву обрывать,
и в кармане нести притуплённую временем бритву,
мне в витрине привидишься ты,
и пшеничной косой
разобьёшь это зеркало, что устремляется к року,
где вздыхают сады
над сбежавшей апрельской росой,
и слепые соцветья в карман оседают к Патроклу.

Не пройти по дороге,
похожей на профиль жены,
бесконечно тушуясь
пред ликом возможной утраты,
и поэтому мы
навсегда за глаза прощены,
и от этого кажется, что навсегда виноваты.
Как шарнирная связь
с опозданием, конечно, на век
к нам приносит несчастья и, стало быть, теплится речью,
мы становимся словом,
чей космос – белёс
и мгновен, –
обрывая соцветья,
поспешно ведёт
к подвенечью.

За трамваями вслед,
за тобой воплотившийся вслед...
Это поезд объявлен
иль Бродский над музой картавит,
иль мальчишеский возраст
к прошедшему времени слеп,
как закат на дороги небрежно бросавший кровавик.
Пусть же эта весна
здесь как выживших нас подберёт,
отнесёт в никуда
или бросит с подола в раменьё.
Не найдётся ночей
наши книги одеть в переплёт:
забывание суть пеленанье вещей,
сохраненье.

Что конечное знание – вещь –
ты узнаешь потом.
Разбивается жизнь
об её отражение в средах.
И, дойдя до конца,
ты, конечно, узнаешь о том,
как сшивают тетрадь
нити звуков утробных в последних.
Оттого я живу,
и катком по безбрежным словам
проберётся твой голос,
истёртый дорогой провинций,
и сникая во мне,
он войдёт в древнегреческий храм,
где за чёрным роялем,
забывшись, играет Стравинский.

Пусть потом
вспомнят нас эмигрантов ночные костры
вдоль размытых окраин,
чей абрис извечно неровен,
с озорливой гримасой
сбежавшей третьейской сестры
неразрывной душой
вознесённых над бредом жаровен.
Ты довяжешь рубашку,
привстанешь,
задуешь свечу
и провалишься в сон,
повернувшись, обои потрогав,
и увидишь во сне как твой друг
(про себя я молчу),
как волчок догорает в героике встречных потоков.

* * *

У горизонта, глядя в небеса,
Бежит по полю сытая лисица
И видит: солнца в глубине блесна.
И рыбаку лисица эта снится,
И шкура той лисице не тесна.

Стоят одни в вихрящейся пыли
Пирамидальных тополей огарки.
Здесь город был, но люди разошлись,
Оставив двухэтажные казармы
На жертвеннике выжженной земли.

И обросли катушки кабелей
Всеядным сорняком, резина стонет.
И, снятый с танка армии твоей,
Возвратного устройства соленоид
Лежит среди них, как твой гиперборей.

О, сколько было у тебя имён,
И каждое мне стало как родное...
Тебе везли зерно, вино и мёд,
И утром молоко несли парное,
И не был хуже каждый новый год.

Поломано теперь веретено,
Руно купили Дольче и Габбана,
Украдено из погреба вино,
И вырублены склоны Инкермана,
Ты в нашем плаче умираешь, но

Твои глаза и губы изо льда
Сверкают чистотою первозданной.
Рукой сотру прохладный пот со лба,
И словно твой апостол первозванный
Сниму тебя с позорного столба.

ФУТБОЛ

Футбольный матч в предгорьях Балкан.
Четыре осветительные вышки
Построены из списанных цистерн
И освещают больше облака
И городские сросшиеся крыши,
Лишая их фундаментов и стен,

Чем поле стадиона «Нови-Сад»
Из недр чьих не выкопаны мины,
Что сеет ужас в головах гостей,
Лишает их способности играть
И делает ахиллы уязвимей
Во Стиксе прополощенных костей

Хозяев, мотивированных тем,
Что могут их казнить за поражение
(На том же поле завтра расстрелять)
И потому матч – лучшая из тем,
И оттого с крестами схожи тени
Совсем ещё молоденьких ребят.

Вот взгляд случайный чьей-нибудь жены.
Туман набился ватой в колокольню.
И на полнеба скрипнет чья-то дверь.
И будто все мы здесь разобщены,
Какой-то тьмой, хотя едины кровью,
Судьбой, святыней, памятью. Но где

Опять идёт Троянская война
Ни Кастор не узнает и ни Поллукс.
И именно поэтому футбол –
Главнейшая деталь веретена.
И время трансформируется в голос,
Когда славяне забивают гол.

* * *

Не высветить в метели твои черты,
Не выйти на мост над звучащим ледяным разливом.
Замёрзли в чугунных ветках ограда сливы
Со светящимися сердцами. Не сорвала их ты.

И суречицу хлипкую января
Не разлить дословно. Ни умереть, ни выжить.
Так одна жизнь по другой изначально вышита.
Так Господь отворачивается, творя.

Ты слышишь: цемент осыпается внутри стены,
Ты слышишь сердце ничейное бьётся над головою,
И пространство между прощальной и игровой
Комнатами занимают маятники, которые суждены.

И зимнее утро пахнет купальщицами и миртом
Тем сильнее, чем сильнее пришедший снег:
Его исступление, его самосуд во сне,
Его искупление в памяти, владычествующей над миром.

* * *

Ты на четверть Бог, на две четверти человек.
На одну шестнадцатую – пчеловед.
На одну тридцатую ты король.
А твоя отмершая часть – корой.

На одну шестнадцатую ты кентавр.
На две первых ты всё равно в кентах
У всех равных, поскольку седьмая часть
В руках той, у которой в руках и власть.

На сотую часть ты Яго. На сотую Арлекин.
Много частей, в которых ты шут и мим.
Есть части, не занятые ничем вообще.
Есть часть, что кружится надо мной в плаще.

Есть часть, в бочке катящаяся к концу.
Есть часть, подносящая нож к лицу
Той, у которой седьмая часть,
Той, у которой в руках и власть –

Власть над тобой, надо мной и над всем вообще.
На одну тысячную ты человек в плаще.
Если в целом: тебя в этом мире нет,
Единицу-на-ноль-разделить-поэт.

ПИСЬМО ДОЧЕРИ

Опережаю: Боже сохрани,
Твоих детей, твои святые дни,
Твой чёрный куб, запрятанный в чулане,
Под кучей банок, сеток и белья,
Под гроздьё лука ялтинского для
Бесед невыходными вечерами.

Укутав в шерсть свой недвижимый стан,
Ты перечислишь к слову много стран
И не заметишь, как целуют руку.
И, лебедей заслав по окружной
Движеньем пальца, вспомнишь Томск ночной
И ту метель, и верную подругу.

Желанный плод, напоминавший мир,
В котором схватка трагиков и лир,
(В тяжелой голове трещат поленья).
На огороде пыль в ушах, в глазах,
И лик нечёткий в ярких небесах,
Тупая воля, стёртые колени.

Теперь ты дома: платья, хрустали,
На стенах Айвазовский и Дали,
Растущий крой плодоносящих мыслей –
Цена возврату в вечность (в отчий дом)
Как отповедь иллюзии о том
Июньском дне скоролетящем, низком

И настоящим больше всех святых
На человека. Контур глаз родных,
Так чётко, так могуч и так мерцающ.
И шар вселенной лампою в саду

Качается над вами. За версту
Ни капищ, ни базаров, ни ристалищ.

Сойти с ума черешнею в руке,
Иль каплей пота на его щеке
Иссохнуть – недвусмысленная мина.
Наверное, из дома ничего
Не пропадёт, пока летит его
Звезда на нити, прикрепленной к клину

Безликих журавлей, от нищеты,
От смерти иль иной какой беды,
Ночуя у погостов, полустанков.
А у тебя в дому копна свечи,
Разбросив по столешнице лучи
Лелеет непреложные константы

Твоих имён живых и неживых,
Твоих творцов: твоих людей родных,
Не изменённых ни огнём, ни бурей,
Не ставших в небе бледною золой,
Не заслонивших словом свет дневной,
Не потерявших разум в склепе фурий.

Благослови земли святую кровь!
Рождение твоё мы встретим вновь,
По прежнему – в покинутых деревнях.
И вечность обнажит своё лицо,
Флакончики с серебрянной пылью
Развесив на сентябрьских деревьях.

УСТЮЖНА

Ф. Васильеву

Портовый город в коем порта нет.
Песчаная коса – бедро любимой,
Которая растворена в реке
Не до конца. Поэтому поэт
Живёт здесь неоправданно ранимый.
И спит синица вечером в руке.

А по утрам грохочет новый мост,
Что выше всех возможных здесь строений.
Здесь этот век прошлый громоздит.
Рассветными лучами дышит мозг,
Уставший от столичных расслоений,
Вчерашний день по новому мостит.

И выметает чёрные лучи
Из всех дворов провинциальный Гамлет.
Здесь много лет прожил его отец.
А ты синицу всё же приручи,
Пусть штукатуркой влажной станет память,
Луна горит в окровленной воде!

(Вода в колодцах с примесью руды)
Пусть город станет – поднебесный остров,
Почти одноимённый, личный край,
Коль эти небеса тебе родны...
Ты штукатурку на железный остов
Как драгоценный саван надевай!

Все люди есть исчадия глуши,
Поэтому в лесах ютятся боги.
И страсть их так мила перед грозой.

И если даже веришь в смерть души,
То ощути бессмертие Мологи
Цветком под пролетающей косой!

Ты мне сказал что этот город – мой.
А я тебе ответил: мой – далече.
В другом часу. И климат там другой.
И мне всё время хочется домой...
Милы мне вологодское наречье
И та что спит под быструю водой,

И люди, чьи калитки без замков...
Но это всё твоё. Моё – заложник
Других небес, нагорий и лесов.
Моей звезде не жить без чердаков,
Завидев смерть, где спрятаться возможно:
Монетой притвориться, колесом...

И старость я провёл бы там... у свай.
У редких сосен и сырых околиц.
Бок о бок где туркмен и одессит.
Жена где крестит вечером уста
У дебаркадеров и колоколен.
И по ночам прозревший бес кричит.

И остывает до утра ребро,
И ноет всё, ревнует, мол – отжито.
И газовая лампа на столе
Шумит, поскольку всё это добро
Не более чем призрачное сито,
Не более чем роза на скале.

* * *

Ты поворачиваешься в профиль, и в голове свистит
Весь русский язык, попавшийся в резонанс.
Район бьёт подковой, небо уже звездит
По-настоящему, кажется, из-за нас.

(Встретил в глухой окраине, вытащил из петли,
Зажег светильник: увидел замерзший храм.
На холодный мрамор стопы твои легли.
Молнией взгляда ударило по рукам.)

У тебя гнутые черты лица – проволока теней.
Выспрненная ладонь щурит открытый лоб.
Ты мне сегодня кажешься взрослее и матерей,
И твоя красота манит падать в открытый гроб.

Не ты ли неделей раньше или сотней лет
С оловянным лицом появилась в зарослях дневника,
Не ты ли тогда сказала, что я поэт –
Человек, мучительно обретающий двойника.

И без нас переполнен жизни закрытый клуб.
Пятку к впадине у колена прижми плотней.
В оргии пальцев лжива надменность губ,
В наших прощаниях лжива надменность дней.

Полоска лунного света, обволакивающая соски,
Полоска белого платья в приоткрытом сквозняке шкафу.
Книга Марины Цветаевой – сцепленные листки:
Райнер Мария Рильке – в её шкалу.

* * *

Прости меня за этот год и тот.
Я обмельчал в обилии литот,
У наших троп не замечая горы.
За то что я тебя не видел вне
Своей судьбы, уподоблял луне,
Фигуркой ставя в эти коридоры.

Прости за мимо чашки – кипятков.
Прости за неподаренный платок.
Прости за гордость рубленной монеты.
Пустые суеверия прости.
Как маятник над городом – расти,
Покуда небеса не имманентны.

Прости за недолюбленность мою,
Прости меня, что это говорю,
А если хочешь прокляни навечно.
Над городом снежинки понавесь,
Смахни рукой с бумаги эту взвесь
И в белый свет уйди остроконечно.

СЕТКА РАБИЦА

Б. Кутенкову

Болезнь – это когда тебе начинают нравиться:
Распутные женщины, стихи Кутенкова, семейный секс.
Ты вцепляешься в сна залетейского сетку рабицу,
И тебя относит от тела на миллиард парсек.

Болезнь, это когда смотришь на всё что прежде
Было незаменимым, желанным, дающим жизнь,
Как на куклу вуду, в дорогой итальянской одежде,
С вышитой над зоной сердца виньеткой лжи.

Когда зачитываясь сочинениями Ландау,
Начинаешь считать воспоминания абсолютным проводником.
Болезнь, это когда снится любимая женщина в чёрном Ауди,
Едущая выступать на вечер поэзии в Белый Дом.

Когда вместо того, чтобы уснуть, твердишь всё:
Жаба гадюку потрахала, Изергиль прошла...
И вертишь на кончике носа обломок вишни.
И думаешь только как жизнь излишня. Как смерть пошла.

Когда выгрызая ноготь, думаешь: «Я прекрасен»,
Ковыряясь в носу, полагаешь, что подвластен мир.
И считаешь главным героем крыловских басен
Дерево, на котором растут миллиарды лир.

Когда видишь, сорвав одежды с Эвтерпы,
На красивом теле висящие аккумуляторы, провода,
Заводной механизм, и с хрусталика, вместо терпкой
Слезы, бежит под ноги, не оглядываясь, вода.

И множество шрамов, оставшихся от попыток
Завода. Корабли глаз качаются. Дёсны ещё влажны.
Любимая женщина. Сочинительница открыток
Новогодних, тех, предвестников боли и тишины.

Болезнь, это когда нечего взять в дорогу,
Кроме кутенковского сборника, бьющего по мозгам.
Когда, не выбрав из первого, третьего и второго,
Лишь завидев бабочку, бежишь за ней по мосткам.

Болезнь – это когда, поцелуев вместо
В отношениях пощёчины, насмешки, плевки, стёб.
Когда непрерывно готическая невеста
Из земли недвусмысленности растёт.

ПРОРОЧЕСТВО

Абсурдность шелка. Эксцентричность льна.
Каление, камлание в трагизме.
Когда-нибудь останешься одна
В мехах, в печали, в светском эгоизме.

И будет трезвым лошадиный бег,
Движенья чётки, мысли филигранны.
И будут на уик-энды великаны
С собою брать тебя на дальний берег.

Ночами будут сыпаться зонты
Со всей деревьев видимой округи,
И солнечного ветра центрифуги
Разбередят дремучие сады.

В Москве зарницы, в Киеве темно.
Южнее голосистей, смолянистей.
В Самаре отдыхают модернисты.
А в Херсонесе пыльное окно.

Стучится ночью дерево в твой дом:
Ты примеряешь серьги, ожерелье.
И остывают звёздные турели,
Последний израсходовав патрон.

Эгоцентрична женская рука,
Когда платить уж некому и нечем:
Твой город подражателен и вечен,
Как хитрая улыбка двойника.

И кажется всё это для тебя:
Весь образ жизни, памяти громада
И тихое местоименье марта
И роковой эпиграф октября.

Слепое повторенье вечеров,
И с детской непосредственностью – утро,
Когда жена, разбуженная Брутом,
Пристёгивает ляпочки чулок.

* * *

Херувимы умолкли, повесили свой фонарь
Во дворе на тонкую ветку ясеня.
Невозможно начать действие, зная его финал,
И когда сюжет держит единственная балясина
Внутреннего напряжения. Исчез герой.
На киноплёнке осталась одна природа.
Но, судя по всполохам, что-то свершается за горой,
Такое же таинственное как глас народа
В соседних квартирах, смывая последний грим
С непрерывно обнажающегося тела осени.
И все города падают ниц пред ним,
Со своими лесами, предместьями, стадами козьими,
Монастырями, линиями электропередач,
Аэродромами, егерскими хибарами,
Закопанными по окна в землю, стадами дач,
С глухими межпространственными бульварами,
С воротами, запертыми с двух сторон,
На дороге, превращённой в простой отрезок.
Люди останутся здесь чтобы пугать ворон,
С похмельными воплями форсируя перелесок.

МОНОЛОГ ПОСТМОДЕРНИСТКИ

Мой эхолот исправен. На свечах
Работает душа. На этажах
Многоэтажки отроки с цветами.
Раскрыты двери. Близится январь.
И в грудь мою насыпали янтарь
С раскрытыми и страшными очами.
Губами бёдра облепили мне,
И губы расцветают при луне
Пурпурным, алым, жёлтым, ярко-синим.
Их корни разъедают плоть мою
На зависть мотылькам и комарью...
И полы платья тянутся к осинам
Когда к реке иду я покурить,
И серьги тотчас золотую нить
Выбрасывают в реку по-паучьи
И ловят бесов: первобытных рыб,
Что прячутся при свете среди глыб
И всем глаза показывают сучьи.
Я их потом навялю, накопчу:
Не зря же я столетие топчу.
Следы мои не будут бесполезны! –
По ним погонят доберманов лжи...
И ежели серьгу найдёшь во ржи,
То мужу моему не соболезнуй.

НАГОРИЕ

Возьми, держи, не дай уйти, потом
Мы встретимся уездным городком
И на волне, плывущей внутрь, усну я,
А если нет – займёмся волшебством,
Погоду обживая выездную.

Такой же воздух как бывал тогда
И на ремонте здание суда,
ЛиАзы раскрывают парашюты
И за угол торопится вода,
Сверяя первоходные маршруты.

Скажи, зачем по-ангельски двоишь
Ты тьму и свет и как вода глядишь –
Всем телом, не становишься прозрачной:
Такую рябь не успокоит тишь
Постновогодней ночью многозначной.

Желания невыключенный джаз
Нас растревожит, раскачает нас
Тычками и пинками разговоров,
Покуда не объявят судный час
Мерцанием вокзальных семафоров.

И всё теперь стирается, как лик
Святого в памяти, горит ночник,
Единственный, не выключенный нами.
А мы идём Кошачьими горами
И видим Севастопольский тупик.

* * *

Ты спускалась горной водой в акведуки метро,
Вышивала по камню, ходила во всём берёзовом,
Зажимала подмышкой вырывающееся перо,
Молнией пробегала в генераторе тепловозном.

Дарила ошейники (не садомазо, а обычные для собак)
Женам, отнимающих лучших мужчин у времени.
Твой левый глаз был немножечко косоват,
А в правом жили три воевавших друг с другом племени.

Твой левый глаз был неиллюзорно чёрен, сух,
И ресницы раскачивались вросшими баронесками –
Они разговаривали литотами и гротесками,
Разводили костры, раскачивались, чертыхались вслух.

ВРЕМЕННОЙ БИНОКЛЬ

Что общего у Андалусии и Баварии, Аквитании, Каталонии,
Лотарингии,

Краснодарского края, Камчатки, северного Алтая
Кроме футбола и пива?
Оставляли там крылья эринии,
Пронеслась твоя гроза. Находились следы трамвая
Питерского, конечно, (ленинградского, петроградского –
Всякого, чья вагоновожатая была краше любой эпохи).
Ретроградное стихосложение
превращалось
в стихосложение ретроградное.
У Эвридик рождались, после спасения, Антилохи.

Круги ада были только на платьях и на лице радиста,
Поскольку футбола и пива не было и в помине.
По дрожи я различал Магдалину, Елену, Геру и Афродиту,
А Левиафана от них я всегда отличал по мине.
Было вздыблено побережье: рос сталактит посёлка.
Я выбросился на гальку, как будто болид подбитый.
По земле гуляла как цветаевский дух – позёмка.
И выходили странники на орбиты.

Мундштук был у юноши, а Беломор – у деда.
Любовь – у секвойи. Власть мировая у паровоза.
Вероятность любой войны зависела от красоты внешнего
обрамления (тела)
Вероятность зарождения жизни зависела от количества
тонн навоза.
Лодке было всё равно что впереди мель, порог ли.
На следующее утро она при любых раскладах грелась
на спинах гальки.

И Стивенсон рассматривал во временном бинокле
С Тикондероги запущенные Томагавки.

А ныне у бедной семьи где-нибудь в северном Казахстане,
Черногории, Удмуртии, Боливии и Камбодже
Выходят из глаз эмигрирующие христиане,
И младшая сестра, обернувшись, произносит «Боже!»
Льётся вино по душам. Беснуется шут печали.
Струна дребезжит. Литавры используются как жаровни.
И идёт по Бруклину, обруч судьбы нащупывая плечами,
Девушка, родившаяся в Апшероне.

ЛОДКА

«Последней лодке старого затона
От уходящей вышки смотровой», –
Подписано письмо. И нет ни стона.
Повсюду только пепел костровой.
И остров вдалеке. Читаю: «Знаю
Изгибы, швы какие у сосны.
Я знаю, ты хотела плыть пустая,
Обласканная ивами весны.
Но странник тот не слышал эти строки.
На остров дальний он хотел попасть –
Он сел в тебя безмолвный, одинокий,
И с силой стал на вёсла налегать.
Но что-то в дно ударило со страстью.
И хлынула на дно без лжи, стыда,
Твои изгибы все собою застив,
Цветущая затонная вода.

Промозглы были ночи сентября.
И странник, натащив из леса хворост,
На хворост сверху положил тебя».

СЕКС

1

Наши стихи вызревают в прикрытых листвою кладках.
Чёрную простыню натягивают над миром
Девственницы, в чьих розовых прочных матках
Безумный Орфей борется с кипарисовой лирой
Ожившей в эпоху Цветаевой, Мандельштама,
Но сейчас у неё появились коренные зубы.
(На зеркале в лифте признание надышала
Женщина в красном, ручной динозавр Гекубы).
Тушинские шлюзы недвижимой первопричиной
Поддерживают уровень Яузы на уровне двадцатого века.
Путь от мужчины до женщины равен пути от женщины
до мужчины
Только с точки зрения бесполого, одинокого человека.

2

Безномерной троллейбус с надписью «остановок
Не предвидется», гранитный айфон на небе,
Мелодии ада, иллюзии постановок
В кажущейся авторской, победоносной ебле.
Тёмная сторона луны: перепутанные аллеи,
(Точка G в этой метафоре рассыпается светляками)
Подходя к концу которых животные становятся на колени,
Видя одинаковые дачные домики с ветряками
До самого горизонта... Над коротким тополь
Ветви свои раскинул с запада до востока.
А в ногах рептилия, в очах чьих горит Европа
Играется с посеребрённой запанкой любистока.

БИТЫЙ АНГЕЛ

Битый ангел орешника прячет душу,
Заменяя молчанье на яркий слог.
Потому я сплю, потому я трушу,
Что ищу место то, где запрятан Бог
В женщине, из-за головных кислот
В принципе невыворачиваемой наружу.

Оттого мой голос, едва притих,
Начинает рдеть шепотками бездны.
Оттого мой взгляд до того правдив,
Что стирается с ляжек ментол небесный.
(Если я посмотрю на тебя как псих,
Ты явлением истины не побрезгуй)

Оттого я в принципе виноват
В кособочье звонков, в полынне метафор,
Что не спеет на Севере виноград,
И голодными лягут стада кентавров.
Оттого, что вместе встречать закат –
Забытая мечта племени динозавров.

Ты плюёшь на меня, как плюёт верблюд,
А потом сцеловываешь свои же слюни.
А потом мы пьём каберне и брют
И входим свободными в дни июньи.
Пока нас ангелы не побьют,
Давай бесов таскать за хвосты пеюньи.

Из всего этого выведу я итог
В далёкой старости в рощице подмосковной.
Или Крым весь первопричиной строк
Выложу скалами в сущности подростковой.
Потому что я, как любой пророк,
Говорю лишь о сути любви искомой.

ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Мне не нужна женщина, умеющая говорить «люблю»,
Гладить волосы на груди, показывая покрашенные ногти.
(Такие всегда прерываются на самой тончайшей ноте,
И при лучшем друге, зашедшем на чай, говорят
«котику налуплю».)

Мне не нужна француженка с пером а-ля Шанель,
Пьющая эспрессо в летней арбатской кафешке,
Мне не нужна ведущая литературной передачи по энтэвэшке,
В собеседника из-под ресницы направляющая шрапнель.

Мне не нужна простушка, понимающая любовь
Как писание друг другу многозначительных эсэмэсок,
Походы с колонками, мангалом и общими друзьями
на перелесок,
Любящая вино (венозную будоражащее кровь).

Мне не нужна сумасшедшая с арфой наперевес,
Чей муж, по её словам, умер в позапрошлом веке,
И поэтому все остальные для неё лишь закрывающие веки,
Лишающие света, любви, случайности и вообще чудес.

Мне не нужна светская дама, интерпретирующая секс
Как раздирание одежд друг на друге, прижавшись крылом
к забору.
(Вообще секс без любви ведёт к импотенции и к запору.)
И поэтому мне не нужна женщина, зашедшая на пару сек.

Мне не нужна женщина, живущая в лесу подруг,
Которая каждый шаг согласует с елью или осиной,
Чтобы руку запуская в мои штаны не наткнуться на овал
осиный,
И под кол осиновый не попасть, обнажая грудь.

Мне не нужна женщина, прожившая всю свою жизнь
в лесу,
В каком-нибудь заставленном соснами гарнизоне.
Такие обычно убивают при каждом неточном слове
(Т.к. только «Печоры» и «Двины» имеют место в её
заросшем плющом мозгу).

Мне не нужна женщина, чью сахарную звезду
Разгрызая всю жизнь не разгрызть до смерти,
Когда бы её лучами опоясываться в круговерти
И в монашеском облачении показываться на свету.

(Мне не нужна монашка, знающая распорядок дня),
По вечерам с которой всегда влажная лингвистическая
атмосфера,
В аптечке которой всё от морфина до ибупрофена,
Её создаваемую душу спасающее от меня.

Мне не нужна поэтесса, знающая расклад богов,
В голове которой роза, висящая над геенной.
Связь с которой является сугубо генной,
(И языки пламени, иссыхая, слетают с её боков).

Я не хочу с женщиной ходить без конца кругами
От алтаря до пыльного матраса на увешанном картинами
чердаке.

Мне не нужна женщина с синицей в руке
(Т.е. вообще никакая женщина с занятыми руками).

Я держу тебя за руки (ведь женщина для молитвы).
Мне нужна женщина, чтобы морскую измерить рябь.
И выбрасываются на берег, разбиваясь вхлябь,
Подпоясанные Бореем пасынки Амфитриды.

СПИТАК

Как выразить отсутствие чувств – бельмо?
Вместо стиха – продуманные сочетания
Слов и созвучий. И, подойдя к трюмо,
Живое из памяти выкладывать на знакомые очертания?

Я помню как рубашку из крапивы плела сестра,
Склонившиеся деревья тетиву подбирали к луку.
Ты своё огненное перо, прощаясь, вложила мне в руку.
И началом туннеля светилась вверху звезда.

Но эти воспоминания как будто бы не мои.
Я оцениваю их умозрительно – слеза не сочится, сердце
сильней не бьётся,
Сколько себя не щипай. Хоть тысячу раз моргни,
Мне всё идентично: как любитесь, так и врётся.

Я помню как «Сталкер» Тарковского первый раз смотрел –
Это слияние фантазийной земли с землёю обетованной,
Плотины, прорвавшиеся от слова. Тайну в глазах карел.
Двухнедельный роман с головокружительной молдаванкой.

Помню те чувства, которые возникали, когда читал стихи
Цветаевой, Бродского и тех современных,
Чьи имена говорить дурной тон (их жизни не истекли).
А в блокноте там мало места для лести и для измены.

Настоящее стёрто с лица. В прошлом – Лорка, Рембо.
Черты их любимых женщин, огромные субпространства.
Я ничего не чувствую – поэтому мне любой
Творец видится ныне безликим изображением супостата.

Я умом понимаю гармонию, правильность употребления
слов,
Радуюсь, когда не нарушена истина высшей лиги,
Но я ничего не чувствую. Я изгнан из мира снов.
И на меня оттуда брезгливо глядят калики.

Я даже такие чувства как влюблённость, ненависть, страх
Теперь различаю только умом, и от этого – угрызение...
Вспоминаю младенчество: в Армении случилось
землетрясение,
И сероглазая женщина несла меня в будущее на руках.

Если б я мог, я бы все слова к её приводил чертам...
Помню в то тихое утро отчаянно так светало!
И мне кажется ныне, что я навечно остался там,
Прижатым к её груди среди руин Спитака.

ТРИ ТИПА ЖЕНЩИН

Как скромной женщине к лицу яркий, страстный наряд,
Так распутная в блеклом платье выглядит не распутной.
А скромной распутной бюстгальтер идёт, чья фактура
Угадывается на одноцветной хлопчатобумажной ткани.

Скромной женщине к лицу короткая аккуратная стрижка,
Распутной лучше волос оставить до сантиметра.
А скромной распутной нужна завивка:
Хороши её локоны, дрожащие в такт походке.

Скромной женщине нужны классические чёрные туфли,
А распутной необходимо обуть валенки или лапти.
А на скромной распутной и сапоги, и сандалии
Будут смотреться одинаково гармонично.

Скромной женщине следует надевать чулки в тон коже,
А распутной можно носить лишь колготки из трикотажа.
На скромной распутной будут хороши и кружевные,
И простая голая кожа ляшек будет смотреться верно.

Скромной женщине следует надевать кольцо и небольшие
серьги,
А распутная будет лучше всего выглядеть без украшений.
А скромной распутной пойдёт кулон на короткой цепке,
С загадочным мерцающим камнем посередине.

Скромной женщине нужна помада лёгкого невызывающего
цвета,
А распутной, по уже угадывающейся схеме, лучше обойтись
без оной.
А скромной распутной нужно накрасить губы красной
гуашью,
И для лучшего эффекта приправить всё это блеском.

Скромной женщине следует читать Пушкина и Хемингуэя,
А распутная пусть прочтёт для начала это стихотворенье.
А скромной распутной подойдут и романы Шлинка,
И прочие произведения безнравственных и аморальных.

СИНКОПА

От порога до рая
Девять точных шагов.
И дорога прямая
Поцелуев и слов,
Над которыми время
Окликает дожди,
И отставшее племя
Мне кричит: подожди.

Если были – то в небе,
И земля не при чём:
Человеку нелепо
Повенчаться с ручьём,
Где в оливковой роще
Пронесёт виноград
Та, в чьей памяти горше
Фитилёчков лампад.

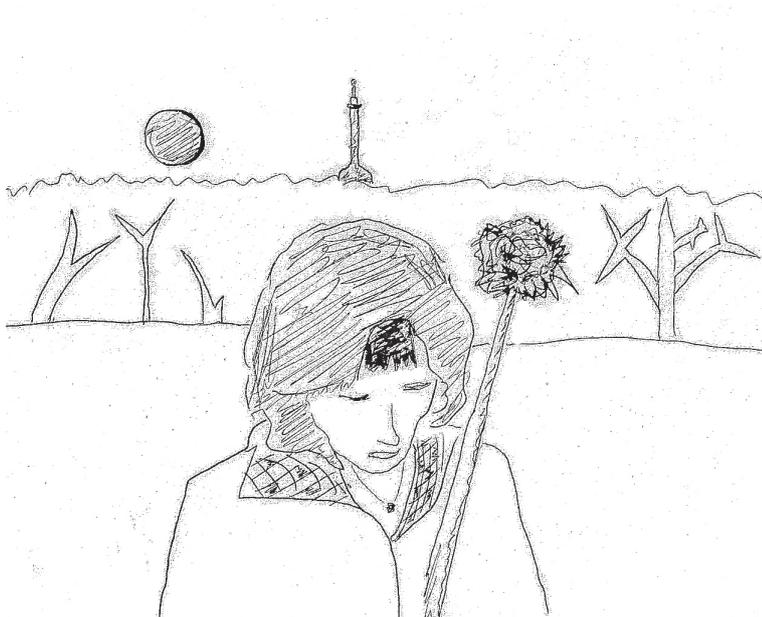
Хоть свободны языки
От подпруги ума,
В нашей памяти зыбкой
Оседают дома.
Молоко – это чудо,
Чтоб калеку умыть.
Но прощённый Иуда
Не способен ожить.

На границе Европы
Восстают миражи,
Их синкопы подобны
Очертаниям ржи,
Уходящей в овраги,
По которым растут
Иностранные флаги
Под зонтами цикут.

И на этих цикутах
Всё жучки-светлячки.
Растворённой в секундах
Не по глазу очки.
И по каждой секунде
Руки в небытие
Ускользают к Иуде,
Что скорбит по тебе.

Для кого эта роскошь,
Вызревший виноград?!
Разверни эту пустошь
Так, чтоб вышел Царьград.
Для кого эта влага –
Не цикута – судьба?
Из забрала варяга
Выпьешь – будешь слепа.

Превратишься в шутовку
Вод исподних. Окстись.
Чтоб скрипучему крову
У скрипичной Оки
Не видать этой муки
В оголённом соске.
Чтоб начаться на Юге,
Я кончаюсь в Москве.

МОСКВИЧКЕ

Тебе нужен скульптор или зубной врач,
А не чернорабочий знающий лишь кирпичи,
Состав смеси цементной и как класть –
Не обращай внимания, что губы – с привкусом алычи, –
Он просто приехал с юга – он там жил
С женой и детьми – пока не началась война,
Торговал опиумом, сам иногда курил
И в глиняные чарки наливал рубинового вина.

Теперь он в железных бочках месит бетон,
Сваривает арматуру, протягивает провода,
Пьёт в общаге джин тоник, при всём при том
У него кучерявые волосы, чёрная борода.
Он в одиночестве выходит на пустыри –
Зал ожидания сам не зная – чего.
И такие как он, не улыбочивые кустари
Что-то варят в жаровне у отцепленного «Шеро».

Где Ай-Петри и Тодор, где витийствуют маяки,
Где я так хочу с тобой так, как он, грешить,
Выходят на берег полоумные моряки
Надыбать у местных водки и анаши.
Ты сложишь руки, безвозвратно уверясь в том,
Что никогда не примешь закон сутий,
Что тебе нужен директор авиаклуба или сын судьи.
Красные лилии – в вазу. Огниво – в дом.

МЕТЕОРИТ

Не город был, а кладбище дорог.
Не помню, кто пройти тогда помог
Сквозь отцепления и контрапункты,
Но он был человек из верховых
И знал он всё от чипов паровых
И до устройства римской катапульты.

И всё своё всегда носил с собой –
От карточки от номера в «Савой»
И до монет с лицом императрицы.
Как будто кто-то помогал ему,
Как будто и его вели к тому
Единственному выходу провидцы.

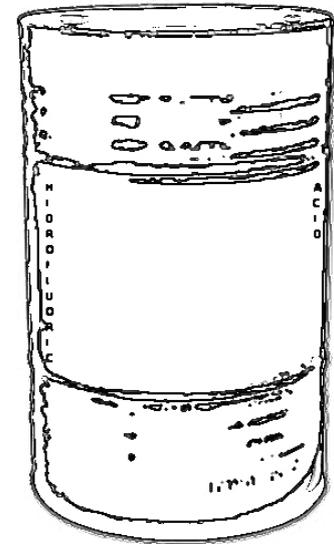
И то, что я стою перед тобой,
Без шрамов, неконтуженный, живой,
И есть причина памяти об этом
Безликом человеке, чьё лицо
С твоим лицом сошлось заподлицо,
Как два кружка бинокля, что неведом.

И непонятно в чьих бинокль руках.
И руки эти где-то в облаках.
Я вижу очертания их явно...
Я не могу теперь понять одно,
Как может быть так много нам дано
Из леса, из тумана, из бурьяна?

И ты всё то, что я принёс храни.
И с тем, что было у тебя, сравни.
Пусть не смолкает в детской пианола.
Вот сноп полыни (окроплён огнём),
Вот план тюрьмы, в которой мы живём.
И вот доскут от савана монгола.

Часть 3.

Агнешка

МОЛЧАНИЕ (венки сонетов)

1

Молчание моё, молчание твоё:
Движение в округе различимо.
Над нами накаляется лучина,
И публик городской вздыхает и поёт.

Понтических держав промокла пелена,
И грозы распадаются всеморья.
Платаны спят во влажном ореоле,
Их нега наваждения полна.

И персиков приносят урожай,
Где у людей красивы только руки.
И ты там просыпаешься, дрожа.

И песни птиц, оставшихся на юге,
Зеркальный воздух утренний дробя,
Сплетаются телами антизвуков.

2

Сплетаются телами антизвуков
Мой первенец и твой последний гость
Границей снов, молчанием стрекоз,
Несущих в небо занавес округи.

Излучин дельты тихий кровоток
Выдерживает томные настои.
Умолк орган в единственном костёле,
И колокол заутрени умолк.

Вокзал стоит в подгорной глубине.
Таксист в такси усаживает друга.
С проводниками поезд в тупике

Становится, поскрипывая туго
Металлом, обреченным старине.
И всюду в небе тянется разлука.

3

И всюду в небе тянется разлука,
И времени гуляющий здесь джаз
Заходит во дворы: его порука,
Она и только сохраняет нас

В узорах неба, в ореолах жизней
И в ореоле первого зерна:
Воссаженная предками страна
Кончается, и цвет её неистов.

И встречи в небесах – как встречи на земле.
Всегда похожи, в сущности – одно.
И ты, не чая новость эту, млей.

И чудо есть, когда нам всё – равно,
Пока над нами в звёздочках камней
Непройденных дорог льняное полотно.

4

Непройденных дорог льняное полотно
Так сходно с южным небом по причине
Его округлости, прозрачности его.
Когда под ним лежали в палантине

Нам открывались тайны, их узор
Нас вёл в галактиках, бывших формой,
Того, что в нас обмакивает корни:
Так расцветает нами неба взор.

Во взоре этом копится настой:
Нас манит встречи долгой яд.
И эту жизнь не сравнивая с той

Друг другу мы предъявим образа,
В которых город полнится пустой
И детства тени пеленают нас.

5

И детства тени пеленают нас.
И проседь: проблеск старости.
Так жизни раскрывается астарта,
Так света востекает белизна

На наше дно, в котором память вся,
На наше дно, где предки и потомки.
Но смерти взор: пленительный и томный
Открылся в небе, звёзды унося.

Величественный тот водоворот
Для ярких звёзд опасней, чем для мелких.
Под звёздами с купания народ

Идёт по протяжённому проспекту.
И выход предлагает нам Господь:
Молчание замена тьме и свету.

6

Молчание замена тьме и свету.
Ты молча посмотри в своё окно.
Увидишь: лозы серебрятся где-то,
Здесь пред тобою жизни полотно:

Всеобщее, всеправое прощенье.
И радуются ангелы как дым.
И не найти далёкому отмщенью,
Того что ниц ложится перед ним.

Так море индевелое лежит,
Когда поёшь восточные куплеты
И голос твой стлевает и дрожит.

На каменных руках твоей планеты
Вздыхает море и волна бежит:
Всезвучие апостолствует где-то.

7

Всезвучие апостолствует где-то,
И это видно на лице воды.
И звуки виноградного оркестра
Приносятся от Беличьей горы.

Здесь от всего, написанного ране
Останется одна любовь:
Тебе разрешено стереть любой
Звук или цвет в октаве или гамме.

Темнеют щёки гор. Печалью лона
Темнеет одинокая лоза
На долгом, уходящем в тучи склоне.

И тянет на бедро рукой гора
Свой плед из можжевельников огромный.
И небо где-то опускает глаз.

8

И небо где-то опускает глаз,
И где-то родники во мгле мерцают.
А я и тьму и свет здесь отрицаю.
И тьму и свет: я отрицаю нас.

Разбросаны огни метеостанций,
Постов спасателей, погранцов.
Там отзвуки прибрежных городов,
В каньонах бродят ночью средь акаций.

Там капельки мельчайшего дождя
Мелькают всюду, словно зеркала
И шепчут скалам, мимо них летя

Как ты к вершине не меня вела.
Об этом, впрочем, написал не я
А ты, когда Цветаевой была.

9

А ты, когда Цветаевой была
Носила то же и дрожала так же,
Во сне своем оказываясь в саже,
Когда в объятьях вечности плыла.

Восходят тени лествицей небес
По склону к небу, знойный полдень помня.
И чернозёма вспаханное поле
Тебе приснится вечности вразрез.

Нам не унять предсказанного днём.
Не приложится нам к холодной раке
С мощами повелителя времён.

Когда ты в самой глубине антракта
(Пустынными рядами длился он)
Искала те же артефакты мрака.

10

Искала те же артефакты мрака,
Нектар свой тратя и Парнас гнева:
Ты в каждом шаге трагила себя.
Тебя пленяли сны архипелага.

Из вереска я ткани тебе сплёл,
Но раздарил другим и это грех мой:
Для нашей встречи ставшее помехой,
Открыло предо мной другой простор.

И если для тебя иные жизни
Лишь вздор пустой и сор веретена.
То для меня же наши души ближе,

Чем наши разобщённые тела.
Ты это поняла в житейской нише,
Когда отца над пропастью вела.

11

Когда отца над пропастью вела
Ты изменилась и в лице и в теле.
И голос твой подобен стал капели,
И мрака расползалась пелена

И пелену проглатывало море.
И волны пели голосом твоим.
И понял я насколько я любим:
Я вовремя узнал что есть такое

Величественное чувство среди всех
Возможных чувств. Но вид архипелага
Остался здесь надсмыслом жизни всей.

Я чувствую теперь его прохладу.
И разливая по сердцам елей
И дожидаясь вечного антракта.

12

И дожидаясь вечного антракта
Ты спишь смиренно, будто бы змея –
Нагая и с открытыми глазами.
И где-то небо, волны серебря

К тебе идёт под всеми парусами
Как будто бы Ахейская армада
Идёт к тебе, как будто боги сами,
Идут к тебе, как будто бы Земля.

Откроется пророческая дверь.
Душа у двух мятежников одна
(Теперь освобождённая), теперь

Звучит орган, звучат колокола.
Когда же на нетканности потерь
Мы поняли, что встреча нас ждала?

13

Мы поняли, что встреча нас ждала.
И распахнули окна в этот миг.
(Не окна распахнулись – зеркала)
Пусть станет жизнь прибежищем всех книг!

Пускай вдыхает небо чернозём,
В твоей стране забудется война.
Пускай горами к морю пронесём,
Всё то, что нам та встреча воздала.

Не Ариадна удержала нить,
И не Тесей, сразивший Минотавра –
Я этих не придумывал метафор:

Memento mortis* в вечности хранить
Пусть будет семистрельная астарта**
Всю нашу жизнь на дне амфитеатра.

---

* Мгновение смерти (*лат.*).

** Астарта (моллюск) (*Astarte*), моллюск из класса пластинчатожабренных, 21 вид в Ледовитом океане; часто в отложениях юрского периода.

14

Всю нашу жизнь на дне амфитеатра
Растут деревья и цветут сады.
Идут века и поднимают завтра
Не выше и не ниже головы.

И в самом центре сада бьют ключи,
И тонкая лоза над ними вьётся.
Сама собой домосливая солнце
И на его надеется лучи.

Когда земли дотронешься рукой
В прекрасном том саду окажемся вдвоём,
И долгожданный снизойдёт покой.

И помня первый снег и первую любовь
В прекрасном том саду окажутся вдвоём:
Молчание моё, молчание твоё.

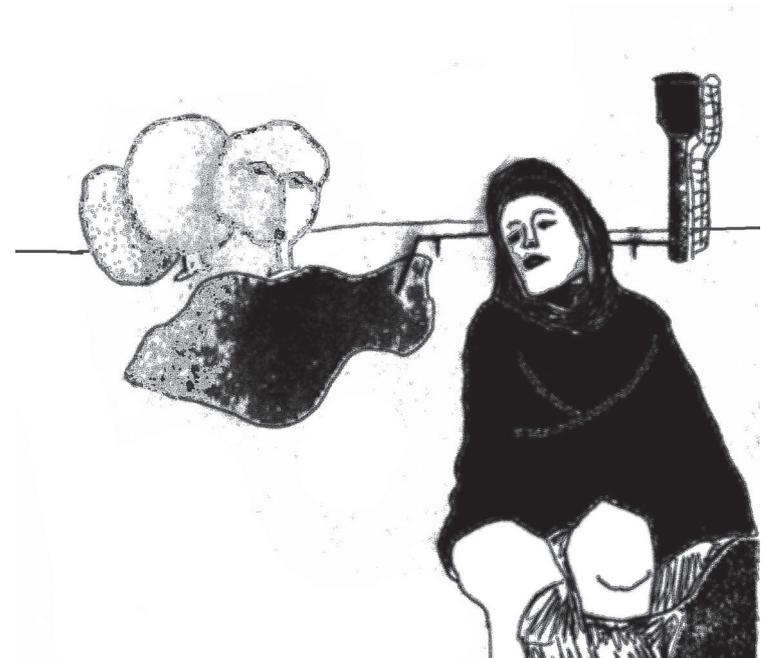
15

Молчание моё, молчание твоё
Сплетаются телами антивзвук,
И всюду в небе тянется разлука
Непройденных дорог льняное полотно.

И детства тени пеленают нас,
Молчание замена тьме и свету:
Всезвучие апостолствует где-то,
И небо где-то опускает глаз.

А ты, когда Цветаевой была,
Искала те же артефакты мрака,
Когда отца над пропастью вела.

И дожидаясь вечного антракта,
Мы поняли, что встреча нас ждала
Всю нашу жизнь на дне амфитеатра.

АНХЕСЕНАТЕН

Когда тень человека попадает в будущее, он уже не в силах как бы то ни было повлиять на ход своей жизни. Он каждое мгновение пытается ухватиться за полы тени, но в то же время каждое мгновение тень ускользает от него. И когда человек встречает новый день он не может сделать ничего полезного. Ведь его тень уже натворила в этом новом дне много всего. Разбросала всю мелочь, истратила всё огниво, поставила свои метки на пространство и на время. Человека в таком случае ничего уже не может удивить. Тень его уже всё высмотрела и потрогала. Хорошо бы если она каждый момент времени передавала что видит назад в прошлое, тогда бы оставалась возможность выбора. Но нет... Тень слепа, глуха и бессловесна. Она интуитивна.

У моего друга была презентация новой книги стихов, собралось много народа, моя жена тоже приехала. Она почему-то была одета как на поминках, как бы предчувствуя что-то. В разгар веселья отовсюду поползли черви. Мерзкие жирные жёлто-зелёные черви. Все в ужасе стали их давить чем придётся. Мой друг шандарахнул по одному из них кухонной доской слизь брызнула и попала мне на лицо. Червей становилось всё больше. Они сползались в углу комнаты в человекообразный комок и комок чернел и костенел. Моя жена запрыгнула на стол – не запрыгнула – взлетела. Я её никогда такой не видел, она была настолько реальной, настолько сконцентрированной, что все мои стереотипы о ней растворились в то же мгновение. Она громко сказала:

«Избегайте контакта, иначе станете Рыбой»

и показала на формирующееся человекообразное существо в углу комнаты, похожее на обгоревший труп. Через мгновение жена оказалась рядом со мной и сказала:

«Все чисты кроме тебя. Не прикасайся ко мне, иначе ничего не спасти. Со мной ничего не станется, я вечная. Здесь я твоя жена и я люблю тебя, но по сути я тебе чужая. Я пришла издали присматривать за этим миром. Но если ты прикоснёшься ко мне и не сделаешь, что я скажу, и мы просто уедем, то этот мир исчезнет. Будущее потеряет смысл. Любви не станет. Искусства не станет. Пути по которым мы приходим к вам исчезнут. Твой друг никогда больше не напишет стихи. Рыба уже сформировалась. Иди и возьми её на руки. Только обязательно вложи пальцы ей в глазницы. Сначала вложи пальцы, а потом подними. Пока твои пальцы будут в её глазницах зло не проникнет в этот мир. Тебе придётся привыкнуть к Рыбе – слизь содержит кислоту».

Я сделал так как сказала жена. Вложил пальцы в рыбины глазницы и взял Рыбу на руки. Из Рыбы начали вырастать волокна и оплетать мои руки как плющ. Эти волокна больно жглись, но почему то стало тепло и спокойно.

«И что теперь?» – спросил я.

«А теперь иди, – ответила жена, – иди и не оборачивайся назад. Иди в наш лес. На месте нашей первой встречи тебя будут ждать посланники. Они привезут с собой гробницу. Ампутируют Рыбу и положат её в гробницу. Ты станешь свободным».

«И Рыбу заберут в твой мир?»

«Нет. Оставят в корнях сосны».

«И что тогда?»

«Ты будешь жить, а я исчезну. Испарюсь, как медуза».

«Ты сказала, что ты вечная. Как же так? Почему ты приносишь в жертву свою вечную жизнь? Это не стоит того. Я вытерплю. Я никуда не пойду. Срастусь с рыбой и умру вместе с ней. Это же симбиоз. Я стану её привычкой, её зависимостью. Моя смерть уничтожит Рыбу».

«Да, уничтожит. Но в действительности ли ты хочешь остаток своей жизни страдать ради меня? Я думаю на самом деле я не причём. Ты надеешься, что тебе за твой поступок люди причислят к лику святых или в худшем случае поставят памятник».

«Если так, что из того? Ты будешь жить и хранить людей от нападков зла. Если бы не ты, чем бы мог закончиться сегодняшний день?»

«С людьми. Всё будет хорошо. На моё место придёт другая».

«Тогда почему ты выбрала именно меня? Ты же видишь одновременно настоящее, прошлое и будущее. Когда ты меня впервые увидела ты уже знала, что произойдёт сегодня...»

«Нет. Не знала. Я не знала всего. Я знала, что Рыба появится, но я не знала попадёт ли её слизь на тебя. Здесь много людей, но она попала на тебя. Это случайность? Да. Но кто ещё в ответе за случайности, как не те, кого они касаются. Ты расслабился. Ты отвлекся. Ты думал не обо мне. И поэтому слизь попала на тебя. Ты виноват и ты, виновный, хочешь чтобы люди в честь тебя основали религию, а я жила в лучах твоей славы? Да – я вечная, но у меня есть тело как и у всех людей. И моё тело, которое ты так превозносишь, противится тому, что ты хочешь совершить. Оно противится тому, что ты хочешь принести жертву не ради меня, а ради себя,

ради своей славы. Дело даже не в твоих мотивах. Мотивов нет – они иллюзия. Сама суть жертвы эгоистична. У меня была мечта. Быть с тобой до конца. Беречь тебя и хранить. Моя земная часть желала именно этого. Но не всё зависело от меня – от тебя тоже кое-что, хоть ты просто человек. Так что прими вину на себя и иди в лес. Избавься от Рыбы, возвращайся и сделай что-нибудь маленькое, земное, но светлое. Найди обычную земную женщину, работай, воспитывай детей или иди и сажай с монахами пшеницу».

Я подумал, что ничего уже нельзя было изменить. Выбор был иллюзией. Если и возможность выбора и сакральность жертвы – иллюзии, что ещё остаётся человеку кроме вечной, непоколебимой, как вселенная прозрачайшей любви посланников. Я посмотрел на свою жену в последний раз. Она уже поняла, что я пойду в лес и что её не станет. Она отвернулась и вышла из дома поэта, не оставляя мне возможности, отвернувшись самому, хоть какие-то шансы на самооправдание. Я пришел к той сосне, под которой мы целовались той, нашей первой весной. Появились посланница и два посланника. Посланник сделал мне укол в шею и я отключился. Я очнулся под сосной на влажной рыхлой земле, в которой была закопана Рыба. Посланников не было, посланница стояла неподалёку. На руках кровили язвы от кислоты. Посланница, вся в белом, села на землю рядом со мной, обработала язвы мазью и сказала:

«Я Ийойомаатре. Теперь я буду жить на земле вместо твоей жены Анхесенатен. Она испарилась несколько минут назад. Вот мой паспорт, в нём написано, что я Мария Александровна Деева. Вот мой диплом в нём написано, что я закончила Московский Государственный Университет. Я буду твоей женой».

Иойомаатре была очень красива и многим походила на мою Агнешку, но губы были другие, глаза другие, нос был другой и уши были другие. Я подумал, ведь Агнешка знала, что так будет. Она знала, что мне пришлют жену вместо неё, но она сказала: полюби земную женщину либо иди в монастырь. Что же это? Боязнь того, что история повторится? Что зло опять появится на Земле и я опять ошибусь, т.е. боязнь за вечную жизнь Иойомаатре. Или была это вполне земная, горячая человеческая ревность? Я не знаю и уже наверное никогда не узнаю.

Но я уже знал, что Мария-Иойомаатре Александровна Деева никогда не будет моей женой. Уши не те.

КЛАДБИЩЕ ДЛЯ ДВОИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

Осень хлынула с холмов и покатила по верхушкам сосен красным, тёмно-зелёным, алым, жёлтым, коричневым и залила посёлок Южная Польша, оплетающую его реку Еленю. Взобраться на восемь метров (два километра) в лес, чтоб увидеть замок русского (не замок: восьмиэтажный куб из кирпича) По всей местности развешены камеры, охрана работает в три смены, а самого русского никто не видел, хотя говорят не умирать сюда приехал и не семью разводить, что-то там у себя организовал наподобие незаконного производства.

Еленя смотрится фундаменатально – не ширится и никогда не узится. Отливает серебром в любую погоду днём и ночью. Фонарей мало, света от них много – свет равномерно распределяется по холмистым садам от Елени петляя вверх-вниз. На краю посёлка кладбище, в центре кладбища ещё один забор – кладбище для двоих посетителей. Там лежат муж и жена: Агнешка и Григорий, поляки из простого рода, создатели местной сыроварни.

Они жили счастливо, но одним вечером Григорий возвращался домой и встретил странницу, русскую, чьё тело излучало накопленное пространство и терпкую тайну. Он без ума любил жену, но соблазнился красотой странницы, в гостинице они отдались друг другу.

А проснувшись в одиночестве Григорий застрелился. На похоронах к Агнешке подошла хозяйка гостиницы, рассказала, что Григорий был с женщиной, и Агнешка, вернувшись домой, повесилась.

Внутри забора кладбища для двоих посетителей за трёхметровой полосой – ещё один. По полосе ходят доберманы которые никогда не лают – так обучены – даже вовремя нападения на нарушителя. Внутрь можно попасть только парами, и только тем кто страстно любит друг друга. Посетители заходят в специальное подземное помещение над которым

горит вечный костёр. Если во время их пребывания в комнате пламя разгорается сильнее – их пропускают к надгробиям, если угасает – изгоняют. Как-то к Агнешке и Григорию попытались проникнуть две женщины, одна из которых переделалась мужчиной. Смотритель сразу увидел обман, но пустил в проверочную комнату. Пламя разгорелось, но посинело и побледнело. Всех, кто приходил на кладбище, но не был допущен – убивали, но не сразу (чтобы не нашли общего в смертях) и качественно выставляли всё самоубийством или несчастным случаем. Так как посетители были с разных концов света, никакой опасности разоблачения не было, хотя среди местных и в интернете ходили устойчивые слухи о «проклятии Агнешки», но это верующих не останавливало ни в коем роде. Они шли, шли, шли, шли, потом попадали под автобус, вешались, нарывались на уличных хулиганов, получали удар молнией и т.п. Никакой связи. Но каждые новые посетители были уверены: именно они будут допущены, но на практике допускалось много меньше половины. Сегодня один мужчина пришел один, без спутницы, с ведром мяса, перелез через забор и разбросал куски говядины вокруг себя. Но сбежавшиеся доберманы не обратили на мясо никакого внимания, накинулись на нарушителя и поделили его поровну.

Русская странница тем временем ходила по городам и посёлкам восточной и западной Европы, в поисках благой и чистой любви. Но на практике, те кого соблазняла странница, не раскаивались, просыпаясь утром в одиночестве пускались в поиски странницы, либо их жены ничего не узнавали, либо прощали, либо эти же жены сами были неверны и ещё очень много вариантов, среди которых никаких крайностей. Но когда страннице попадутся подобные Григорию и Агнешке, рядом с тем городом, будет построен такой же кирпичный куб и такое же кладбище для двоих посетителей.

ПЛАТЬЕ НАД ГОРОДОМ

Мысли смолкают каскадами. На их место каскадами ложится свет.

Ты лежишь рядом, здесь на полу, и фонарик нокиевский подносишь ближе с каждой вехой.

А веки не поднять уже. Умер. Руки, ноги не слушаются. Головы не повернуть: анфас везде.

Почему ты пришла, когда я умер? Какой у тебя план? Свет густеет.

Рассеивается хлопьями. Начинаю видеть всё на 360 градусов. Платье в репейнике. Голова в репейнике.

Цикада сухая. В углу бочка – на латыни надпись – плавиковая кислота.

Капельница. Трубочки. Насос. Иконку достаёшь из рюкзака, ставишь на окно. Свечу зажгла.

Шагов не слышу, вдруг сквозь тишину треск свечи. Соединяешь бочку через насос с капельницей. Ставишь таймер.

Подходишь снова ко мне. Светишь на веки фонариком, но я не вижу этого света. Дыхание твоё чувствую: южный ветер, с земли.

Берёшь меня за руку: не чувствую. Прокалываешь вену: капельница готова. Насос готов.

«И падают два башмачка...» Стука не слышу. Падают закладки.

Мучаешься с платьем: молния на спине. Снимаешь чулки, бельё. Глаза – как отдельные.

Дрожишь, чай не лето. И я холодный как сугроб. Думаешь, если ты унитожишь моё тело, я буду свободно перемещаться в пространстве и во времени?

Древний Иран, новооткрытая Америка, Луна: море Змеи, море Спокойствия.

Лишь бы не было больно. Не хочу боли больше, чем видеть тебя спустя двадцать лет при таких нескладных обстоятельствах с остановившимся сердцем.

Тыходишь к бочке. Опускаешь в неё ноги. Тело белеет, красные сосуды проступают, пульсируют. На лице гримаса боли – в глазах боли нет: сияние и доброта. Ноги подкашиваются.

Руками хватаешься за край бочки, чтобы последний раз посмотреть на меня.

Куда бы ты не посмотрела, ты будешь смотреть мне в глаза. А не всегда ли так было? Если всегда, почему тогда это понимаю не я прежний, а я – душа, намертво привязанная к трупу.

Ты уже не можешь держаться за край, пальцы разжимаются. С головой погружаешься в кислоту.

Взгляд остаётся. Платье поднимается с пола, стряхивает с себя репей. Вальсирует. Вылетает в форточку.

Таймер пищит. Насос заработал. Ты вливаешься в меня. По трубкам бежит светящаяся сиреневатая вода.

Пузырьки бурлят. Я чувствую движение внутри, как будто дома внутри меня тасуют этажи. Покрываюсь чешуёй.

Крылья выстреливают из спины, подбрасывая меня. Голос изнутри. Твой. Как будто кости поют: «Я страж Алатырской горы!».

Ты теперь мои крылья, моя чешуя. Пар из ноздрей. Дышу.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть 1. НАБЕРЕЖНЫЕ КОНКИ

СТИХИ РЕБРО К РЕБРУ	16
ЖЕМЧУГ	16
ИСКУПЛЕНИЕ.....	18
КНЯГИНЯ МАГДАЛИНА	20
РАЗГОВОР	21
Порывы ветра. Выцветший бетон... ..	23
ЖИЗНЬ	24
Вновь доносится грусть... ..	24
Кости неправильно сросшиеся герани.....	26
ПУТЕШЕСТВУЮЩЕЙ ПОЕЗДАМИ.....	27
ВЕНЧАНИЕ.....	28
ОТПЕЧАТКИ	30
ЗЛАТОУСТ	32
Горизонт обесточен (в ГЭС попала звезда)... ..	34
ЛЮБОВЬ	35
Чёрные сосны Херсона. Монастыри.....	36
ПТИЦА	37
В том краю, где заканчиваются наши долгие разговоры... ..	38
ОЛИВИЯ.....	39
Затоплена твоя земля. А я.....	40
НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ.....	41

Когда любимая женщина скажет идти долой... ..	41
Когда запустили коллаيدر, мы растопили печку... ..	42
Когда сменялась песнями натурщиц.....	43
Белая лилия, цветущая у заводи на пустыре.....	44
КОМНАТА	45
Пойдём греться, родная, достанем чай, рафинад.....	45
Как беглый, безвозвратно ступив на арктические льды.....	46
Над твоей головой ещё долго будет пылать закат.....	47
Когда весь песок высыпется из колыбели.....	48
ГОРШОК	48
Обретая покой, ты раскачиваешься над звуком.....	49
Юркие кудри школьниц. Усердные проблесковые маяки.....	50
Ты каждым взмахом тела... ..	51
МЕТАМОРФОЗА	52
Красное солнце уйди за черноморский флот... ..	53
Чтобы лучше выглядеть, ты покинула град Петров.....	54
Под сводами метели спит край села... ..	55
Я катал камню по небу. Мне снились сны... ..	55
Твоя могила на границе сосен.....	56
Твой левый глаз – спеленатый Феб.....	57
МЕЖДУ АРСЕНИЕМ И МАРИНОЙ	58
Я проснусь внутри проводницы, толкнусь в пупок.....	60
Тело ломит, будто в суставы попал песок... ..	61
Телеэкран, рассада на окне.....	61
В яме зимы, на одной из окраин, посреди тоски.....	62
На кладбище ходили три коня.....	62
ТАХИКАРДИЯ... ..	64

Часть 2. НАГОРИЕ

СУДЬБЕ	66
ХРОНИКА	68
У горизонта, глядя в небеса.....	70
ФУТБОЛ	72
Не высветить в метели твои черты.....	74
Ты на четверть Бог, на две четверти человек... ..	75
ПИСЬМО ДОЧЕРИ	76
УСТЮЖНА.....	78
Ты поворачиваешься в профиль, и в голове свистит.....	80
Прости меня за этот год и тот.....	81
СЕТКА РАБИЦА	82
ПРОРОЧЕСТВО.....	84
Херувимы умолкли, повесили свой фонарь	86
МОНОЛОГ ПОСТМОДЕРНИСТКИ.....	87
НАГОРИЕ	88
Ты спускалась горной водой в акведуки метро	89
ВРЕМЕННОЙ БИНОКЛЬ.....	90
ЛОДКА.....	92
СЕКС.....	93
Моё: междугородняя колода... ..	95
БИТЫЙ АНГЕЛ.....	96
ЖЕНСКИЕ ОБРАЗЫ СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ	98
СПИТАК.....	100
ТРИ ТИПА ЖЕНЩИН.....	102
ХАННА.....	104
СИНКОПА.....	106

МОСКВИЧКЕ	109
МЕТЕОРИТ	110

ЧАСТЬ 3. АГНЕШКА

МОЛЧАНИЕ (венок сонетов).....	112
АНХЕСЕНАТЕН.....	122
КЛАДБИЩЕ ДЛЯ ДВОИХ ПОСЕТИТЕЛЕЙ	127
ПЛАТЬЕ НАД ГОРОДОМ.....	129

Литературно-художественное издание

Григорий Горнов
ПЛАТЬЕ НАД ГОРОДОМ

Редактор – *Евгений Степанов*
Компьютерная вёрстка, макет – *Марина Кива*
Корректра авторская

Бумага офсетная
Гарнитура Minion
Тираж 200 экз.
Сдано в набор 05.09.2013
Подписано в печать 20.09.2013

Издательство «Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978 62 75

Типография ИПК «Квадрат»
Белгородская обл., г. Старый Оскол
Комсомольский проспект, 73.